

А. Ч. Козаржевский

МАСТЕРСТВО УСТНОЙ РЕЧИ ЛЕКТОРА

Филология

ПСИХОЛОГИЯ • ПЕДАГОГИКА • ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ

№ 34

URSS

А. Ч. Козаржевский

МАСТЕРСТВО УСТНОЙ РЕЧИ ЛЕКТОРА

Издание стереотипное

URSS

МОСКВА

Козаржевский Андрей Чеславович

Мастерство устной речи лектора. Изд. стереотип. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. — 80 с. (Психология, педагогика, технология обучения: филология. № 34.)

Предлагаемая читателю книга известного отечественного историка, филолога-классика и педагога А. Ч. Козаржевского (1918–1995) посвящена мастерству устной речи. В ней даются теоретические и практические рекомендации по технике, нормативности, выразительности речи; рассматриваются приемы ораторского искусства, а также принципы и способы психологического воздействия лектора на аудиторию.

Книга будет полезна прежде всего преподавателям, а также всем, кому приходится выступать перед большой аудиторией, — политикам, теле- и радиоведущим и т. д.

Рецензенты:

д-р филол. наук Е. М. Верещагин;
канд. филол. наук Н. И. Лапидус

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»». 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 5. Доп. тираж. Зак. № АХ-527.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–05319–8

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
2012, 2016

19666 ID 212926

9 785397 053198

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

ВВЕДЕНИЕ

Если у вузовского преподавателя спросить, что он считает в своей работе главным, наверное, услышишь такой ответ: знание предмета, любовь к нему, должный идейный и научный уровень. Все это, конечно, верно. Но как часто мы испытываем чувство досады, слушая лекцию или выступление коллеги, человека дельного и эрудированного. Для того, чтобы донести до слушателей свои мысли и чувства, ему не хватает многого, над чем он даже не задумывается. У него короткое дыхание, монотонное звучание голоса, невнятное произношение, т.е. не отработана техника речи. Он допускает ошибки в произношении, ударении, грамматике, словоупотреблении, т.е. нарушает нормативность речи. Речь может быть правильной, но говорящий не заботится о ее выразительности, не имеет представление о практической стилистике языка. Иной лектор при всей содержательности и научности лекций – всерьез не думает о мобилизации и поддержании внимания, о доходчивости информации и ее анализа, не проявляет выдержки и такта при неблагоприятных условиях, допускает небрежность в манере держаться и в одежде, т.е. игнорирует проблемы психологического воздействия на аудиторию. Если лекция вызвала вопросы, возражения, не всякий лектор оказывается во всеоружии искусства полемики, основным стержнем которого является логика.

Итак, мы наметили круг проблем, определяющих форму выступления. Иными словами, акцент будет не на том что говорить, а на том, как это целесообразно делать. Совершенно сознательно мы не будем касаться подбора материала, работы с источниками и специальной литературой, плана построения лекции, иллюстративного материала, применения технических средств обучения (ТСО). Все это определяется конкретной тематикой лекции и ее адресатом. Рекомендации в этой области свелись бы к банальным общим рассуждениям. Задача данного пособия – обратить внимание лектора на то, что он в своей многотруд-

ной работе, возможно, упускает из виду. Мы далеки от того, чтобы давать рецепты, годные на все случаи жизни, и просто хотим поделиться личным опытом, наблюдениями над выступлениями коллег, обобщениями и советами, которые содержатся в книгах и статьях о речевом мастерстве. Столь краткое пособие не претендует на всестороннее освещение поставленных проблем и имеет практическую направленность.

Поскольку мастерство речи понятие комплексное, то неизбежны экскурсы не только в лингвистику и стилистику, но и в логику, психологию, педагогику, социологию, этику, эстетику и даже в анатомию и физиологию, коль скоро затрагивается техническая сторона речи.

В известной мере мы касаемся проблем ораторского искусства. А коли это так, то придется личный раз задуматься над извечным вопросом: что именно делает человека оратором: природный дар или специальная подготовка, и как нужно понимать знаменитое Цицероново изречение: "Поэтами рождаются, ораторами становятся"? Вряд ли красноречие сводится к усвоению некоей суммы знаний, навыков и умений. Существуют, скажем, музыкальный, математический и другие таланты. С той же основательностью можно говорить и о природном даре устного слова, о внутренней потребности активной передачи своих знаний, и идей, о положительном жизненном тоне, столь важном в человеческом общении. Странно было бы предполагать, что каждый человек, приложив усилия, сможет стать вровень с тем же Цицероном и другими великими ораторами. Вузовский лектор и не ставит перед собой такой задачи, хотя многие ораторские приемы в зависимости от темы и цели лекции, а также ситуации использует в своей практике. Важно, чтобы обращение к этим приемам не превращалось в нарочитую красоту и аффектированность. Встречается и другая крайность — принципиальное неприятие какой бы то ни было речевой образности, так как она якобы несовместима с научностью.

У одних научных работников легкость слога проявляется в устной речи, у других — в письменной (у редких счастливых — в той и другой области). Некоторые тяготеют к лекционной работе и предпочитают труд письменный. Однако вузовская специфика такова, что преподавателю приходится быть одновременно и лектором, и руководителем семинара, и автором научных монографий, учебников и учебных пособий. Он непосредственно сталкивается с тем, что письменная речь отличается большей продуманностью и отделанностью, что она дает возможность читателю в случае необходимости возвратиться к уже прочитанному и что речь, устная, напротив, исключает возврат к уже сказанному, но зато обладает силой непосредственного воздействия на слушателей, являясь, по меткому выражению И. Андронникова, "публичным мнением".

Мастерство устной речи пригодится преподавателю не только в учебной работе, но и в выступлениях на научных конференциях, на заседаниях ученого совета, на производственных совещаниях, на партийных и комсомольских собраниях, в агитационной и пропагандистской деятельности.

Конечно, было бы весьма интересно обратиться к истории ораторского искусства и, в частности, академического красноречия. Однако делать краткий экскурс в область, требующую специального изучения, в столь небольшом по объему пособии вряд ли целесообразно, но мы будем постоянно обращаться к практически ценным для современного лекторского обихода приемам и рекомендациям выдающихся мастеров слова.

О б щ а я л и т е р а т у р а

А п р е с я н Г.З. Ораторское искусство. М., 1978.

Вопросы лекционной пропаганды. Сборники, вып. 4-7. М., 1973-1982.

В помощь лектору. Серия брошюр. Издание "Знание" РСФСР.

Г о л о в к о Н.К. и др. Основы лекторского мастерства. М., 1978.

Искусство лектора. Сборники, вып. 1-2. М., 1973-1975.

К о х т е в Н.Н. На трибуне ученые. М., 1976.

Методика лекторского мастерства и ораторского искусства. Серия брошюр. Издание "Знание" СССР.

М и т р о ф а н о в Н.Н. Этюды о лекторах. М., 1974.

М и т р о ф а н о в Н.Н. Живое слово науки. М., 1981.

Н о ж и н Е.А. Основы советского ораторского искусства. М., 1981.

Об ораторском искусстве. Автор-составитель Толмачев А.В. М., 1973.

Об ораторском искусстве. Составители Абакумов В.И., Буткевич В.Г. М., 1980.

Т а р а с о в Е.Н. и др. Основы ораторского мастерства. Курс лекций. М., 1980.

С е в а с т ь я н о в В.С. Заметки о мастерстве оратора. М., 1971.

Слово лектора. Журнал общества "Знание" СССР.

С т е п а н о в А.В., Т о л м а ч е в А.В. Спутник оратора. М., 1966.

Ф а л ь к о в и ч Э.М. Искусство лектора. М., 1960.

Техника речи как бы опирается на "трех китов": дыхание, голос, дикцию. Не случайно сначала упомянуто дыхание: от правильной его постановки в значительной мере зависят и хорошее звучание голоса и отчетливая дикция.

При повседневных разговорах дыхания мы просто не замечаем и уж тем более не контролируем; у каждого из собеседников, когда говорит другой, есть возможность свободно подышать. Когда же человек говорит один и притом долго, например, читает лекцию, он при ненадтренированном дыхании быстро утомляется, а его утомление по законам социальной психологии передается слушателям.

От обычного дыхания как акта чисто физиологического и инстинктивного отличается фонационное, т.е. речевое дыхание, требующее специальной тренировки. Будет неуместным вдаваться в детали строения дыхательных органов человека и физиологию самого процесса дыхания. При желании об этом можно прочесть в специальных работах. Подчеркнем важность овладения диафрагмально-реберным видом дыхания, когда во вдохе и выдохе активно участвуют грудобрюшная преграда и нижние ребра. На занятиях в актерских студиях нередко велят: "Дыши животом!" Это профессиональное выражение, конечно, нельзя понимать буквально, но ясно одно: на поверхностном, так называемом ключичном, дыхании длительную речь произнести крайне трудно.

Как известно, дыхание проходит три постоянно повторяющихся этапа: вдох — пауза — выдох. Если для "бытового" дыхания достаточно, чтобы каждый этап длился приблизительно одну секунду, то для фонационного дыхания такая пропорция явно не подходит. Как приятно слушать мастера художественного слова — диктора, актера, чтеца, говорящего на широком дыхании! У профессионалов выдыхательная волна длится секунд двадцать. Вряд ли лектору стоит добиваться подобной длительности: неумелыми и поспешными упражнениями можно нанести непоправимый вред дыхательному аппарату. Но достичь 8-10 секунд желательно и вполне осуществимо.

Тем, у кого от природы прерывистое, короткое дыхание, обычно рекомендуют такого рода упражнение: следя по секундомеру или отсчитывая, как фотографы при обработке фотоматериалов, "двадцать один", "двадцать два" и т.д., делать вдох сначала через две секунды, затем через три и т.д. Прирост в секунду длится неделю, причем тренинг должен продолжаться недолго: 5-10 минут в сутки. Обращаться с органами дыхания необходимо с предельной осторожностью и бережностью.

Обычную утреннюю физзарядку полезно дополнить комплексом фи-

зических упражнений для развития дыхания. В рекомендуемых работах по технике речи содержатся разнообразные и весьма эффективные упражнения. Там же говорится и о способах добора дыхания в процессе говорения. Правда, некоторые из названных пособий рассчитаны на актерский обиход или несколько механически переносят приемы этого обихода на лекторскую практику. Дело в том, что в актерском тренаже помимо задач физического характера ставится попутная задача — способствовать выработке у артиста образности мышления. Например, предлагается воспроизвести писк назойливого комара, свист воздуха, выходящего из проколотого мяча и т.п. Подобные упражнения рассчитаны на длительные студийные занятия, часто отличаются сложностью и практически трудны для рядового лектора, загруженного своей основной работой. Вместе с тем, нельзя отрицать того, что игровой элемент в упражнениях способствует раскованности.

Раз речь зашла о снятии напряжения, напомним о важности расслабления мышц. Мы часто устаем не столько от работы как таковой, сколько от неоправданного мускульного напряжения. Пусть читающий эти строки в данный момент проверит себя: не сидит ли он в неудобной напряженной позе, не упирается ли чрезмерно ступнями в пол, не вцепился ли судорожно в край стола и т.д. У К.С.Станиславского есть остроумное определение "тело на колок"; он рекомендует перед выступлением предельно расслабиться, а потом распрямить плечи и позвоночник, т.е. как бы надеть тело на позвоночник, как на колок.

Рациональному дыханию способствует удобная поза. Присмотримся к античным статуям. Распространенная их поза — так называемый " шаг на месте": ноги слегка расставлены, причем одна из них (обычно правая) слегка выдвинута вперед. При таком устойчивом положении человек меньше утомляется. Кроме того, в местах речи, требующих особой выразительности, можно корпус пожать вперед, в сторону выдвинутой ноги. Пусть лектор следит за собой: не сутулится, не поднимает плечи, не запрокидывает голову — все это утомляет говорящего.

С детства нас учат вдыхать воздух через нос, а не через рот. Этот совет обычно не имеет ценности в наших глазах. Однако в лекторской практике привычка делать вдох через нос крайне важна. Преходя через носовую полость со слизистой оболочкой и легким волосатым покровом, воздушная струя в какой-то мере освобождается от злых врагов говорящего: пыли и сухости; а если говорить приходится на холоде (например, проводя экскурсию зимой), вдыхаемый воздух будет немного согреваться и предохранять горло от простуды. Наверное, каждый замечал, что при вдохе через рот в горле пересыхает и начинает першить.

Незаметно мы подошли уже к голосовому аппарату и к вопросам гигиены голоса, которая, естественно, получила научную разработку в медицинских трудах. Здесь же достаточно напомнить чисто практические аспекты голосовой гигиены, казалось бы, сами собой понятные, но часто не принимаемые во внимание.

Закалка горла зависит от общей закалки организма. Нужно, соблюдая разумную постепенность, приучить горло не бояться холода: мыть шею холодной водой, отказаться от тяжелых шерстяных шарфов в не очень холодную погоду. Здравый смысл подсказывает воздержаться непосредственно перед лекцией от острой пищи (уксуса, хрена, перца, горчицы и т.п.), от курения; об алкоголе и говорить не приходится. Речь идет не только о крепких напитках, которые вызовут или скованность или, что особенно недопустимо, развязность. От пива голос "садится", а кажушиеся невинными сухие вина своей кислотой раздражают голосовые пути.

Когда в горле першит, мы прежде всего стремимся откашляться. Делать это можно, если мы чувствуем, что кашель мокрый. Если же кашель сухой, то откашливание приведет к вторичному раздражению слизистой оболочки. Слушатели невольно сами начнут кашлять, и появится опасность "закашлять" лекцию, как это, по словам К.С.Станиславского, случается с иными спектаклями. Что же делать? Прежде всего, не стараться говорить сквозь першение. Следует прервать речь и сделать глубокий вдох. Подчас этого оказывается достаточно. На целебный в таких случаях теплый крепкий чай лектору, к сожалению, рассчитывать не приходится; если рядом окажется графин с водой, прежде чем пить ее, надо убедиться, что она не ледяная. Самый же простой и эффективный способ — проглатывание накопленной во рту слюны. Она обладает температурой нашего тела, содержит полезные ферменты, тягуча и хорошо смазывает горло.

Когда мы долго говорим, к горлу приливает кровь. Поэтому после лекции не стоит сразу выходить на стужу; полезно немного "остыть" в помещении; а если уж очень необходимо уйти, то на улице нужно быть осторожным: не вдыхать морозного воздуха через рот, не вести разговоров со спутниками. При серьезном заболевании горла требуется обратиться к врачу, который назначит полоскания, ингаляции, смазывания. Со своей же стороны следует дать полный покой горлу, помолчать даже среди домашних денек-другой. Особенно важна помощь, причем постоянная, при различного рода органических и хронических изменениях в области горла и носа. И то и другое — своего рода наш профессиональный инструмент, и относиться к нему с пренебрежением нельзя: если он выйдет из строя, мы окажемся безоружными.

Поговорим, однако, о голосе не как о физиологической категории, а как о средстве выражения наших мыслей и чувств. В свое время выдающийся чтец Владимир Яхонтов писал: "Звук — это плацдарм нашего искусства. Звуком рисуешь видимое слово, звуком чувствуешь, страдаешь, восхищаешься и звуком же рассказываешь о месте действия, о мире, природе, небе, морях и реках и, конечно же, о людях". Эти слова, адресованные Яхонтовым к коллегам-актерам, приложимы и к лекторскому искусству. Приведем мудрые слова другого великого артиста и режиссера — К.С. Станиславского: "Даже хороший от природы голос следует развивать не только для пения, но и для речи. Быть в голосе — какое блаженство для певца, так точно, как и для драматического артиста (и лектора, добавим мы. — А.К.)! Чувствовать, что можешь управлять своим звуком, что он повинуется тебе, что он звучно и сильно передает все малейшие детали, переливы, оттенки творчества..."¹.

Многое дается (или не дается) самой природой. Мы можем забыть черты лица, манеры ушедшего от нас артиста, чтеца, учителя, профессора, но мы никогда не забудем его природно богатого голоса. Так, в ушах людей старшего поколения до сих пор звучат неповторимые голоса Остужева, Качалова, Коонен, Астангова...

Не будем однако сосредоточивать внимания на уникальных голосах драматических и, тем более, оперных артистов. В равной мере, не будем останавливаться на индивидуальных патологических изменениях: сиплости, хрипоте, сдавленности, гнусавости, квакающем звучании и т.д. Это — сфера деятельности логопедов и оториноларингологов. Оставим в стороне и роль музыкального слуха, связь голоса со зрением (замечено, например, что у незрячих людей тембровая окраска голоса бедная). Будем исходить из голосовых возможностей обычного, рядового лектора.

Какими же качествами должен обладать звук и какова связь этих качеств с творческим процессом?

Голосу надлежит быть достаточно выносливым и сильным, чтобы его звук доходил до всех уголков аудитории и чтобы его без напряжения воспринимали все собравшиеся. Сейчас наблюдается иждивенческое злоупотребление усилительными установками. Многие лекторы и артисты просто разучились говорить полным голосом и даже в небольшом помещении не могут обойтись без микрофона. Если спросить у такого беспомощного человека, как же в былые времена, когда усилителей и в помине не было, ораторы наполняли своим голосом огромные залы, слы-

¹ Станиславский К.С. Собрание сочинений, т. 3, М., 1955, с. 63.

шить стандартный ответ: у старых зданий была великолепная акустика. Да, действительно, акустические качества современных учебных и театральных построек заставляют желать много лучшего. Но человека с неразвитым голосом было бы плохо слышно и в построенном в XVIII веке и уникальном по акустике Колонном зале Московского Дома Союзов.

Сильный звук — это отнюдь не крик. Неправильно поступают те лекторы, которые, войдя в аудиторию и не встретив там ожидаемой тишины, начинают хлопать в ладоши и истонным голосом вопить: "Тише, тише!" Обычно шум при входе лектора не носит характера какой-то обструкции. Просто люди не успокоились от предыдущей лекции или разговоров в перерыве, усаживаются поудобнее, скрипя и стуча откидными сиденьями. Полезнее будет призвать к порядку и молча ждать его. Любая аудитория вплоть до непоседливых мальчишек в таком случае быстро успокоится. В то же время у слушателей должна быть уверенность в том, что возможности голоса лектора как бы безграничны, что возникший в зале или донесшийся извне шум лектор сумеет покрыть силой своего голоса. Естественно, что интенсивность звука соотнобразуется с размерами помещения, количеством слушателей и с творческой задачей. Нелепо бормотать себе под нос, но еще нелогичнее при позитивном изложении сложного материала надхрывать, митинговать, как будто выступаешь на городской площади перед многотысячной толпой.

Очень утомляет слушателей монотонность, которая, кстати говоря, сейчас в моде среди молодых актеров, так что театр в данном случае не служит нам объектом подражания. Часто человек и не подозревает, как позаботилась о нем природа, и "дудит в одну дуду". Давайте хоть один раз в жизни сделаем такой опыт: извлечем из какого-нибудь музыкального инструмента, будь то фортепиано или детская гармоника, звуки в пределах гаммы и в тон этим звукам будем говорить что-либо. Мы поразимся тому, какие возможности модулирования голоса заложила в нас природа. Только не нужно поигрывать голосом; от этой слабости не были свободны даже очень большие ораторы и актеры. Бывает такое убеждение: в важных по содержанию местах тон голоса следует повышать. Это неверно. Если у человека от природы высокий голос: сопрано у женщины, тенор у мужчины, — повышение тона имеет опасность перейти в визгливость. Опытные ораторы, чтобы подчеркнуть значение высказываемой мысли или цитируемого места, падают с тона. Один из слушателей Ключевского свидетельствовал, что в патетических местах голос лектора "спускался почти до немота, являя этим контраст с предыдущим изложением"¹. Между прочим, повышению тона не обя-

¹ Белов А. В. О Ключевском как лекторе. — Исторический вестник, 1911, № 6, с. 988.

зательно сопутствует усиление звука, иначе звучание речи становится назойливым.

Сложнее обстоит дело с тембром, т.е. характерной окраской звука. Тембр зависит прежде всего от индивидуальных особенностей строения голосового аппарата, от умения пользоваться естественными резонаторами. Грудной тембр выработать в домашних, а не студийных условиях практически невозможно. Зато каждый в силах избежать так называемого "белого звука", открытого и вульгарного, который получается при широком раскрытии рта в горизонтальном направлении. Кстати, такой звук, за который в музыкальных учебных заведениях полагается ставить "двойку", теперь распространен в эстрадном пении. Чтобы звук был глубоким, богатым, выразительным, специалисты-голосоведы советуют хорошо раскрывать рот в вертикальном направлении, как бы для произнесения (о). При таком положении рта воздушная струя, на которой идет процесс говорения, ударяется в верхние альвеолы и отражается нёбом, этим естественным полусферическим резонатором. Обогащенный таким способом звук на профессиональном языке называется "летающим", или "звуком в маску".

Очень неприятен носовой призывок, который бывает природным или манерным.

Свободному движению звука способствует снятие напряжения в голосовых органах. У каждого человека голос имеет оптимальный уровень, на котором звучание идет легко, естественно, и человеку важно ощутить и как-то закрепить этот уровень. Тогда будет легче управлять и силой звука, так как слишком высокие и слишком низкие звуки не поддаются усилению.

А теперь о дикции. К.С.Станиславский нарисовал устрашающую картину плохого произношения: "Слова с подмененными буквами представляются мне теперь человеком с ухом вместо рта, с глазом вместо уха, с пальцем вместо носа. Слово со скомканным началом подобно человеку с расплющенной головой. Слово с недоговоренным концом напоминает мне человека с ампутированными ногами. Выпадение отдельных букв и слогов — то же, что провалившийся нос, выбитый глаз или зуб и другие подобного рода уродства. Когда у некоторых людей от вялости или небрежности слова слипаются в одну бесформенную массу, я вспоминаю мух, попавших в мед; мне представляется осенняя слякоть и распутица, когда все сливается в тумане"¹. Невнятная актерская скороговорка, вызванная, повидимому, отталкиванием от искусственной отчетливости и декламационности, стала дурной модой и плохим приме-

¹ Станиславский К.С. Собр. соч., т. 3. М., 1955, с. 69-70.

ром для людей других речевых профессий, в том числе и для вузовских преподавателей.

И в данном случае, когда разговор идет о дикции, не будем касаться патологических изменений: шепелявости, картавости, заикания, пулеметности и пр. Подчеркнем однако, что некоторые индивидуальные речевые дефекты, например, легкая картавость, не имеют определяющего значения в просвещенческой деятельности, не препятствуют пониманию и, как ни парадоксально, даже могут заключать в себе некое импонирующее начало.

Хорошая дикция – это четкость, а не утрированное отчеканивание, и достигается она в общем-то понятным и несложным способом – сильной подвижностью тех частей речевого аппарата, которые по природе своей подвижны: языка, губ (особенно верхней), нижней челюсти. Обратите внимание на рот диктора или мастера слова, когда его лицо показывается крупным планом на экране телевизора. Как рот подвижен! Убавьте до предела звук в телевизоре или радиоприемнике, и вы услышите какое слово: с такой удивительной отчетливостью оно сказано. Разумеется, дикторы и актеры долго готовились к своей профессии, делали специальные упражнения для органов речи: поднимание верхней губы, движение по кругу губ, сложенных "бантиком", поднимание и опускание нижней челюсти, движение языка вниз-вперед-вверх, завертывание языка в трубочку и т.д.

Для выработки хорошей дикции полезно каждому, независимо от своей профессии, быть немножко филологом: иметь представление о месте и способах образования звуков. Так, взрывные согласные бывают губными (п, б), переднеязычными (т, д), заднеязычными (к, г); каждая из этих трех категорий в свою очередь делится на глухие (п, т, к) и звонкие (б, д, г). Есть звуки носовые (м, н), боковые (л), выбранные (р). Все указанные виды входят в разряд смычных; другой разряд – щелевые (ф-в, с-з, ш, ж, х) с глухим и звонким вариантами, аффрикаты (ч, ц).

В пособиях по технике речи помещены подробные описания звуков, профильные схемы положения артикулирующих органов и даже фотоснимки внешнего вида рта при произнесении определенных звуков. Это материал необходимо освоить только в том случае, если в дикции наблюдается отклонение от нормы. Главное же – постараться не комкать концы слов, не проглатывать окончания, не стягивать слоги, чтобы не получались слова-уродцы вроде час (вместо сейчас), моястра (вместо моя сестра), скоко-стоко (вместо сколько-столько), када-тада (вместо когда-тогда), перловой (вместо передовой) и т.п.

Существует несколько систем работы над дикцией. Некоторые из

них, равно как и комплексы дыхательной гимнастики и голосовых упражнений, малопригодны для лектора по тем причинам, о которых говорилось раньше: они слишком сложны и не сводятся к чисто техническому тренажу, а представляют собой игровые этюды. Для лекторского обихода, пожалуй, наиболее подходящая система Е.Ф.Саричевой. Дадим понятие о принципах и основных этапах тренировки.

Первый этап — произнесение гласных в определенном звукоряде от так называемых "узких" к "широким" и снова к "узким": и — э — а — о — у — ы.

Второй этап — произнесение йотированных гласных, т.е. сочетаний й с гласными: е — я — ё — ю; гласные (и) и (ы) подвергаются йотации не в литературном языке, а в отдельных диалектах.

Третий этап — произнесение слогов, т.е. сочетаний согласных в их глухом и звонком вариантах с гласными при выдерживании указанного звукоряда, например: би — бэ — ба — бо — бу — бы, пи — пэ — па — по — пу — пы; бе — бя — бё — бю, пе — пя — пё — пу и т.д.

Четвертый этап — произнесение кратких слов с различными вариантами согласных: звонких-глухих, твердых-мягких, например: дачка-тачка, жалость-шалость и т.д.

Пятый этап — произнесение пословиц и поговорок с теми же вариантами звуков, например: "Федот, да не тот".

Шестой этап — произнесение скороговорок. Скороговорки правильнее было бы называть "трудноговорками", потому что они представляют собой трудно произносимые сочетания согласных; эти сочетания не нужно бездумно пробалтывать с пулеметной скоростью, а требуется произносить с предельной четкостью в быстром темпе. Некоторым скороговорки кажутся детской, несерьезной забавой, а между тем во всех пособиях по технике речи приводится масса скороговорок, причем они классифицируются по фонетическому признаку. Чем же полезны скороговорки? Широко распространено заблуждение, что быстрый темп речи препятствует ее пониманию. Прислушаемся к речи дикторов радио и телевидения, когда они передают последние известия. Ненаквалифицированный человек не смог бы говорить так быстро, как дикторы. А ведь они не топяются, не "наступают самим себе на пятки" и абсолютно четко произносят каждое слово. В то же время иных лекторов, говорящих нарочито медленно, как бы "тянущих резину", слушать утомительно. Обилие информации и идей невольно заставляет нынешнего лектора ускорить темпы своего выступления: времени трагически не хватает. И вот, чтобы сообщить нашей речи быстрый (в разумных пределах) ритм и упругость, полезно обратиться к скороговоркам. При всей примитивности содержания каждая скороговорка построена синтаксически правильно,

т.е. имеет подлежащее, сказуемое и другие члены предложения, которые мысленно нужно не упускать, когда заучиваешь и повторяешь скороговорку. Приведем пример: "Ехал грека через реку, видит грека в реке рак; сунул грека руку в реку, рак за руку греку - цап!" В этой скороговорке-упражнении на произнесение звука (р) при игнорировании смысла легко произнести нелепое: "Сунул грека в руку реку".

Седьмой этап тренировки - чтение стихов. Для упражнений особенно подходит гексаметр, т.е. стихотворная строка, состоящая из шести дактилей, сочетаний одного ударного слога с двумя безударными; в последней стопе дактиль усеченный, подобный хорею, сочетанию ударного с одним безударным. Обычно читают русские переводы гомеровых поэм "Илиады" и "Одиссеи". Это - плавные, величавые стихи: "Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына..." или "Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который..."

В книге Е.А.Корсаковой и А.В.Прянишникова "Техника речи" (М., 1940) помещено гексаметральное стихотворение, которое содержит в себе наставления по технике речи и одновременно само по себе служит упражнением в чтении:

Твердо запомни, что прежде чем слово начать в упражненье,
Следует клетку грудную расширить слегка и при этом
Низ живота подобрать для опоры дыхательной звуку.
Плечи во время дыхания должны быть в покое, недвижны.
Каждую строчку стихов говори на одном выдыханье
И последи, чтобы грудь не сжималась в течение речи,
Так как при выдохе движется только одна диафрагма.
Чтение окончив строки, не спеши с переходом к дальнейшей:
Выдержи паузу краткую в темпе стиха, в то же время
Воздуха часть добери, но лишь пользуйся нижним дыханьем,
Воздух сдержи на мгновение, затем уже чтение продолжи.
Чутко следи, чтобы каждое слово услышано было:
Помни о дикции ясной и чистой на звуках согласных;
Рот не ленись открывать, чтоб для голоса путь был свободен;
Голоса звук не глуши придыхательным, тусклым оттенком -
Голос и в тихом звучании должен таить металличность.
Прежде чем брать упражненья на темп, высоту и на громкость,
Нужно внимание направить на ровность, устойчивость звука,
Пристально слушать, чтоб голос нигде не дрожал, не качался.
Выдох вести экономно, - с расчетом на целую строчку.
Собранность, звонкость, полнота, устойчивость, медленность,
плавность -

Вот что внимательным слухом сначала ищи в упражненье.

Поскольку у лектора вряд ли есть время вслух читать гексаметры, посоветуем практически осуществимое. Когда мы читаем детям, внукам напевные сказки Пушкина, стихи Маршала, К.Чуковского, сделаем попутно из этого чтения своеобразный тренаж: будем соблюдать рациональное дыхание, заботиться о звучании нашего голоса, о четкой дикции.

В университетах и пединститутах, к сожалению, до сих пор не созданы кафедры или кабинеты техники речи. В московском университете существует фонетрическая лаборатория, в штате которой... один человек, ведущий профилактическую и лечебную работу. Обследование выявило, что 43% профессорско-преподавательского состава МГУ страдают профессиональными заболеваниями голосовых и дыхательных путей. Такое неблагоприятное скрадывается злоупотреблением микрофонными установками.

Но поскольку эти установки прочно вошли в наш обиход, дадим ряд советов, как ими пользоваться. Нужно учитывать неизбежное искажение естественного тембра — металлический призыв, чрезмерную отражательную звонкость. Поэтому нельзя кричать в микрофон и гворить на высоких нотах. Необходимо четкое произношение всех звуков и несколько сниженный и вместе с тем вариативный темп речи. Микрофон очень чувствителен ко всякого рода шумам: откашливанию, шарканью ногой, прищмокиванию, постукиванию пальцами по столу или кафедре и т.д. Не рекомендуется покачиваться, стоя перед микрофоном, иначе звук будет то приближаться, то удаляться. Микрофон часто сковывает человека: появляется какая-то нарочитость и искусственность в голосе, неестественность и напряженность позы и движений. Преодолеть это нелегко. Некоторых лекторов микрофон так гипнотизирует, что они уже не видят слушателей и упираются в него взглядом. Поправлять микрофон допустимо только в самом начале речи, а затем к нему уже не надо притрагиваться. Очень важно определить оптимальное расстояние губ от микрофона и угол, под которым идет звуковой поток. Вообще же к усилительной установке целесообразно прибегать тогда, когда в этом есть действительная необходимость.

Л и т е р а т у р а

В а с и л е н к о Д.С. (составитель). Постановка речевого голоса. Методические рекомендации. М., 1973.

В е б о в а я Н.П., Г о л о в и н а О.М., У р н о в а В.В. Искусство речи. М., 1977.

В о р о н о в а О.М. Значение дыхания и голоса в практической работе пропагандиста. М., 1968.

Егоров А.М. Гигиена голоса и ее физиологические основы. М., 1962.

Козлянинова И.П. Произношение и дикция. М., 1977.

Леонарди Е.И. Дикция и орфоэпия. М., 1967.

Петрова Л.А. О технике речи. Вып. 1-2. М., 1981.

Никольская Т.С. Техника речи. М., 1978.

Савкова З.В. Лектор и его голос. М., 1972.

Саричева Е.Ф. Сценическое слово. М., 1963.

Чихачев В.П. Техника речи пропагандиста. М., 1981.

НОРМАТИВНОСТЬ РЕЧИ

В данном пособии умышленно не употребляется термин "культура речи", поскольку он расплывчат и лингвисты, отечественные и зарубежные, вкладывают в него разные понятия. Как бы ни понимать культуру речи, она включает в себя нормативность, хотя к ней отнюдь не сводится. Но и понятие нормы неоднозначно. Норма не сводится к школьным правилам, нельзя игнорировать ее исторические и лингвистические основы.

В отношении к норме проявляются две крайности.

Одна крайность - это пуризм, антинаучный и антиисторический подход к явлениям языка. Пуристы цепляются за старое, начисто отвергая все новое. Их критерии таковы: "Я к этому не привык", "мне это не нравится", "мне это режет слух" и т.п. Они издают вопли о "порче" языка, не понимая того, что языку как всенародному достоянию ничего не угрожает, что отступления от нормы касаются не языка как такового, а речи отдельных людей, групп людей, связанных профессией, местом, национальным окружением. Те, кто не различают понятий "язык" и "речь", бездумно употребляют выражение "слова-паразиты". Имеются в виду значит, вот и т.п. Многие, действительно, злоупотребляют ими и превращают их в надоедливые присловия. Но, скажем, во фразе "Жить значит бороться" слово значит предельно весомо; в предложении "Вот что я хотел сказать" слово вот абсолютно необходимо.

В последнее время распространилась другая вредная крайность - антинормализаторство. Сторонники этого направления (среди них немало лингвистов, правда, в основном не вузовских) критерием нормы выдвигают частотность: что часто встречается, то и нормативно. Этому взгляду веско возражал крупный ученый, автор известного Словаря русского языка С.И.Ожегов, которого уж никак не упрекнешь в консерватизме, утверждая, что распространенной может быть и ошибка.

Бывает, что норму определяют ситуативностью. Норма – якобы то, что соответствует конкретной ситуации. Такая позиция порывает с языковыми традициями и не учитывает разного уровня ситуаций и людей, в них попадающих. Антинормализаторы любят в свое оправдание приводить пример, кочующий по многим книгам и статьям. Академика Бардина спросили, с каким ударением он произносит слово километр. Ответ был забавный: на заседании Президиума Академии наук Бардин говорил, согласно норме, километр, а на заводе километр из боязни, что рабочие упрекнут его в зазнайстве. Из этого полуанекдотического примера противники нормы делают далеко идущий вывод: значит, в зависимости от ситуации языковые нормы позволяется нарушать. При всем уважении к Бардину, справедливости ради, нужно спросить: кто же, как не он, крупнейший инженер и ученый, был призван нести культуру речи в массы? Ведь нельзя же заботу о родном языке всецело вваливать на плечи школьных учителей (точнее – учительниц)! Все люди умственного труда обязаны быть носителями и распространителями речевой культуры.

Очень часто противопоставляют правильность речи ее выразительности, приводя в качестве научного аргумента шуточные строки из пушкинского "Евгения Онегина":

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.

Берется на вооружение и высказывание Белинского в его статье "Общая риторика Кожанского": "Иной семинарист говорит и пишет как олицетворенная грамматика, но его нельзя ни слушать ни читать, а иной простолюдин говорит неправильно, ошибается и в склонениях и в спряжениях, а его слушаешься"¹. Правильное наблюдение? Безусловно, правильное! Но разве оно может служить оправданием неряшливости речи в пору сплошной грамотности и широкой образованности советского общества? Кроме того, спекулирующие этой цитатой поступают вдвойне недобросовестно: не до конца цитируют мысль великого просветителя. А дальше он пишет вот что: "Неправильная речь одаренного способностью хорошо говорить простолюдина была бы еще лучше, если бы он знал грамматику". Сказано это с болью сердечной и созвучно вещим Некрасовским словам:

Придет ли времечко –
Приди, приди, желанное –
Когда мужик не Блюхера

¹ Б е л и н с к и й В.Г. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 509.

И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя с базара понесет.

Неужели каждый из нас в своей жизни не слышал речи, которая была бы одновременно и правильной и образной!

Почему лектору опасно нарушать нормы в ударении, произношении, грамматике, словоупотреблении? Ошибка может привести к неправильному пониманию. Так, например, в некоторых областях оградой называют то, что огорожено, т.е. двор, а не то, что огораживает, т.е. забор (как полагается по норме). Замеченная ошибка отвлекает от сути дела и дискредитирует лектора, может появиться несправедливая оценка его компетентности: он говорить правильно не умеет, стоит ли его слушать? У ошибки коварное свойство: она как бы гипнотизирует того, кто ее заметил. Но в принципе будет еще хуже, если ошибку воспримут как правильное, наивно рассуждая при этом так: лектор — человек образованный и поэтому говорит правильно.

Так что же в конце концов определяет норму?

Прежде всего, ее относительная устойчивость. Так, слова 20-х годов использовывать, шкрабы (школьные работники) не выдержали проверки временем и не вошли в нормативную лексику. Далее — соответствие внутренним законам развития языка. Эти законы определяются и изучаются, конечно, языковедами, и лицам других специальностей, при всей любви к родному языку, стоило бы воздержаться от безапелляционных, дилетантских суждений о языковых закономерностях и нормах.

Свою роль в закреплении того или иного явления языка как нормы играет литературная традиция. Однако глубина содержания в произведении литературы не всегда идет рука об руку с чистотой языка. Вспомним, как сурово критиковал М. Горький Панферова за его языковой стиль. В остальном нормативно то, что находится в предпочтительном употреблении у высокообразованных слоев нашего общества, т.е. у советской интеллигенции.

Норма — это то, что соответствует здравому смыслу. А ему противоречит, например, употребление глаголов подойти, подъехать вместо прийти, приехать, поскольку первые глаголы означают только приближение к какому-либо месту, но не вступление в него. Нелепо в транспорте спрашивать стоящего у дверей: "Вы встаете?" вместо "Вы выходите?" Столь же ненормативно применять глагол подсказывать вместо сказать, указать, сообщить. Неправомерно называть последнего в очереди крайним, так как очередь это не геометрическая фигура или черенга, а линия, у которой есть первая и последняя точки. Кроме того, слово последний многозначно и в данном случае обидного смысла не имеет.

Иногда понятие прогресса механически переносят с техники и науки на язык и считают, что все стремительно изменяющееся прогрессивно. Как раз напротив! Чем медленнее и осторожнее усваивает язык новое, тем большую силу и развитость он доказывает. Стянуть не всякое языковое новшество органически и прочно прививается. Уже упоминались уродливые лексические новообразования 20-х годов, впоследствии исчезнувшие из нашей речи. Вместе с тем, язык, как живой организм, изменяется. Наиболее значительные изменения происходят в лексике: одни слова уходят в пассивный запас (например, околоточный надзиратель), другие переосмыслиются (например, знатный); новые понятия рождают новые слова (например, радиоэлектроника).

Диалектическое единство относительной устойчивости нормы и ее эволюционирования приводит к сосуществованию вариантов норм. Так, в слове творог оба ударения равноценны. Можно говорить стакан чая и стакан чаю, в городе Иваново и в городе Иванове, ждать поезда и ждать поезду и т.д. Значит, норма — не обязательно нечто одно, исключаящее другое.

Нормы языка одинаковы во всех сферах нашей жизни: и в бытовой, и в научной, и в технической, и в экономической и т.д. Ошибается тот, кто рассуждает следующим образом: пусть в быту я говорю, как придется, а вот стану читать лекцию или доклад, буду думать над каждым словом и говорить правильно. Нет никакой гарантии в том, что, привыкнув к какой-либо ошибке в повседневной речи, не сделаешь этой ошибки с высоты кафедры или трибуны. Кроме того, если напряженно думаешь о каждом слове, боишься ошибиться, речь делается вымученной, невыразительной, скучной. Подлинная речевая (и всякая другая) культура начинается там, где знание переходит в навык. Кажется, сам язык не произнесет ошибочную форму задолго до того, как дашь себе отчет, какое правило опасно нарушить. То же касается и речи письменной. Действительно грамотный человек пишет слово "жизнь" через букву и не потому, что стремится не забыть правило, или, как теперь принято говорить, орфограмму, по которой после шипящих не пишется н: само написание "жизнь" кололо бы ему глаз.

По-видимому, нельзя отрицать наличия или отсутствия способностей к языку, в том числе и к родному. Одним даже простая грамота дается с трудом, другим легко. Неодинаковой бывает подверженность языковой ассимиляции. Одни, оказавшись в новом диалектальном окружении, быстро воспринимают особенности диалекта, другие успешно сопротивляются его влиянию и говорят так, как привыкли с детства.

У вузовских работников в силу жизненных обстоятельств общеобразовательная основа разная, и, несмотря на то, что иной лектор об-

ладает степенью и званием, у него может хромать элементарная грамотность. Нужно известное мужество, чтобы самому себе в этом сознаться и засесть за учебники родного языка. Наиболее удобен для такого случая учебник для педучилищ "Русский язык" А.М.Земского, С.Е.Крючкова, М.В.Светлаева (М., 1971).

Мы все время говорим именно о русском языке, потому что он, не являясь официальным государственным языком, "фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР"¹.

Далее будут рассмотрены языковые нормативы применительно к лекторской практике.

Л и т е р а т у р а

Г о л о в и н Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980.

Г о р б а ч е в и ч К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1981.

Литературная норма и вариантность. Сборник под ред. Скворцова Л.И. М., 1981.

Русская речь. Журнал. М., 1967.

Русский язык. Энциклопедия. Главный редактор Ф.П.Филин. М., 1979.

Русский язык как средство межнационального общения. Сборник под ред. Филина Ф.П. М., 1977.

С к в о р ц о в Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

С к в о р ц о в Л.И. Культура языка - достояние социалистической культуры. М., 1981.

С к в о р ц о в Л.И. Правильно ли мы говорим по-русски? М., 1980.

Ч у к о в с к и й К.И. Живой как жизнь. М., 1963.

Я з о в и ц к и й Е.В. Говорите правильно. М., 1969.

Много интересного можно почерпнуть в дискуссионных разделах "Литературной газеты": "Служба русского языка", "Язык и время", "Как мы говорим, как мы пишем". Забавные речевые ошибки регулярно печатает "Крокодил" под рубрикой "Нарочно не придумаешь".

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 115-116.

Во многих языках ударение более или менее постоянное. Так, во французских словах оно находится на последнем слоге (или, как выражаются филологи, на первом слоге от конца). Поэтому слова, вошедшие в русский язык из французского, нужно произносить с соответствующим ударением: парте́р, шофе́р, испансе́р и т.п. В немецком и английском языках ударение находится в основном на начальных слогах слов, поэтому — до́ллар, це́нтер, Че́рчилль и т.п. В испанском и польском языках ударение падает на предпоследний слог (Доло́рес, Осве́нчим).

В русском языке ударение разноместное и подвижное, не подчиняющееся фиксированным правилам. Вместо них в системе русского ударения действующими силами являются определенные тенденции и традиции. Нетрадиционное ударение условно называется неправильным. Например, сравнительная степень от краси́вый — краси́вее, а от здоровы́й — здо́ровее. В глагоде звони́ть корневое [о] по норме никогда не бывает ударным: я звоню́, ты звони́шь, он звони́т и т.д., а в аналогичном глагоде ходи́ть звук [о] как раз ударный: я хожу́, ты ходи́шь, он хо́дит и т.д. Джане говорят: взяла́, брала́, спала́; правильное же произношение с ударением в конце: взяла́, брала́, спала́, а вот от глагола класть форма прошедшего времени в женском роде будет с иным ударением — кла́ла. Попытки установить единые правила ударения наталкиваются на обилие исключений, подавляющих какие бы то ни было правила.

Слова, в которых наиболее часто делают неправильное ударение, мы приведем с нормативным ударением: балова́ть, включи́ть, возбуди́ть, проведе́н, проведе́нный, жесто́ко, разви́той (разви́тый только в сложных словах, например, высоко́разви́тый), языки́-языко́в (язы́ки — старославянское слово со значением "племя", "народ"), языко́вой (относящийся к языку-речи), языко́вый (относящийся к языку-органу в полости рта); догово́р, пригово́р предпочтительнее, чем до́говор, при́говор (по-видимому, по аналогии с вы́говор, за́говор); прово́д (электропередача) и прово́д (в сложных словах, обозначающих трубу, по которой идет вода, газ, нефть, мусор); облегчи́ть, изобрете́ние.

В языке некоторых профессий встречаются особые, жаргонные ударения. Моряки говорят компа́с, рапо́рт; горняки — добы́ча, ру́дник; монтеры — иска́ра; летчики — ша́сси; путейцы — ско́ростя́, порш́ня́, клапа́на́; медики — ко́клюш, а́лкоголь, при́кус; физики — ато́мный, математики — комплéкс. Жаргонизмы не страшны, если их употребление ограничено кругом людей определенной профессии. Плохо, если жаргонные ударения проникают в речь других слоев общества и, тем более, работников просвещения.

Существуют диалектные отклонения от общепринятых ударений. К упомянутым бра́ла, взя́ла, спа́ла добавим а́рбуз, ве́рба, ре́мень, пе́редал.

Существительные из греческого и латинского языков обычно заимствуются с тем ударением, которое бывает в косвенных падежах. Например, греческое имя Алекса́ндр в именительном падеже звучит Алекса́ндр-рос, а в первом косвенном, т.е. родительном, — Алекса́ндру; соответственно ката́логос-ката́логу, поэтому нужно говорить ката́лог, равно как диало́г, некроло́г (но, как бы по исключению, филоло́г, биоло́г). В латинском языке причастие со значением "действующий" в именительном падеже а́генс, а в родительном аге́нтис, поэтому в русском языке аге́нт, докуме́нт, инструме́нт (но ре́гент).

Напомним, что существуют варианты ударений: помимо упоминавшегося тво́рог-тво́рог — мы́шление-мы́шление, роди́лся-роди́лся, у́гля-у́гля, о́траслей-о́траслей, из ле́су-из ле́су... Приведем знакомые с детства строки:

Однажды в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел, был сильный мороз.
.....
Откуда дровишки? Из ле́су вестимо.

Раз уж зашла речь о стихах, скажем, что по ним удобно проверять ударение. Теперь уже почти никто не говорит мо́лодежь, так как в известной песне мо́лодежь рифмуется с не убо́ежь.

Некоторые исследователи считают, что в современной системе ударения в русском языке наблюдается тенденция перемещения акцента в четырех и пятисложных словах на средние слоги как бы для достижения равновесия.

Необосновано перемещение ударения в одном и том же слове в зависимости от сферы применения этого слова. Поэтому — кварта́л и в местном и во временном значениях, сре́дства — для обозначения и приема, орудия действия и денег, капитала. Другое дело, когда мы сталкиваемся по существу с разными словами. Так, брониро́вать значит предоставлять бронею на что-нибудь, а брониро́вать — покрывать бронёй для защиты.

Л и т е р а т у р а

А г е е н к о Ф. и З а р в а М. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 1970.

А в а н е с о в Р.И., О ж е г о в С.И. Русское литературное ударение и произношение. М., 1955.

Историческая основа современного литературного произношения — московский говор, поскольку Москва была центром русской нации и русского государства. Носителями исконного национального начала в русском языке были не верхушечные слои: дворянство, нарождавшаяся буржуазия, а социальные низы. Удивительный знаток языка А.С.Пушкин, по воспоминаниям современников, "любил ловить речь из уст простого народа". Он советовал учиться произношению у простых женщин-кухарок, которые пекли ритуальные хлебцы-просвирки для сотен московских церквей; в статье 1830 года "Опровержение на критика" он писал: "Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирным. Они говорят удивительно чистым и правильным языком"¹.

Специалисты, например, Р.И.Аванесов, насчитывают свыше 180 правил классического московского произношения. Основным его хранителем считается московский Малый театр, воспитавшийся на Гоголе, Грибоедове, Островском; недаром его называют Домом Островского и вторым московским университетом. Люди старшего поколения помнят певучую, теплую речь Рыжовой, Турчаниновой, Яблочкиной, Климова, Остужева. Безупречно произношение у таких дикторов, как В.Соловьева, Ю.Левитан, О.Висоцкая. Оно нам не кажется необычным, искусственным. Но если бы мы в своем бытовом или лекторском обиходе придерживались подобного выговора, наша речь раздражала бы окружающих своей неестественностью.

Очень многое из старомосковского говора ушло или постепенно уходит в прошлое. Чем вызван этот уход? Что влияет на произношение?

Сильное воздействие на произношение оказывает письменная речь с ее орфографией. Мы все больше произносим буквы согласно их названию, не подвергая их редукции и ассимиляции. Хорошо это или плохо? Трудно ответить на этот вопрос определенно. Сближение произношения с написанием свидетельствует о том, что грамотность у нас — само собой разумеющееся всеобщее достояние. С другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что культура устной речи в школе находится далеко не на желанном уровне, что основой уроков русского языка служит не живая речь, а книга, доска, тетрадь.

В чем выражается усиление побуквенного произношения и устарение многих явлений московского говора? Окончания — гий, —кий, —хий в прилагательных мы теперь произносим согласно написанию: долгий путь, громкий голос, Тихий Дон. Раньше же в окончаниях слышался неопреде-

¹ П у ш к и н А.С. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1958, с. 175.

ленный, редуцированный звук, условно обозначаемый твердым знаком: Тихый Дон. Конечное [-с] у глаголов и причастий звучало твердо: боюс (вместо боюсь), началса (вместо начался). Это легко проверяется стихами А.Майкова:

Весна, выставляется первая рама,
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа и стук колеса.

Здесь ворвался с твердым произношением с рифмуется с колеса. Безударные глагольные окончания -ат, -ят передавались как [-ут], [-ют]; слышут вместо слышат, видут вместо видят. Суффикс -ива- после г, к, х звучал как [-ива-]: подпрыгивать вместо подпрыгивать. В предударном слоге после шипящих [а] выговаривалось почти как [ы]: хйра вместо жара, шыги вместо шаги, шммпанское вместо шампанское. Смягчались переднеязычные [л], [т], [з], [с] перед мягкими согласными, особенно перед [в]: дъверь, тъвердый, зъверь, естьесътъвенный и т.д. Эти и некоторые другие особенности старомосковского говора под напором правописания уходят из нашей речи и сохраняются только как сценические речевые нормы.

Второй фактор, вызывающий изменения в произношении, имеет четко выраженные исторические корни. Во время Великой Отечественной войны эвакуация населения из областей, временно захваченных врагом, шла с юго-запада на северо-восток. Юго-западная часть нашей страны населена белорусами, украинцами и русскими жителями Ростовской области, Краснодарского края и т.д. Этим объясняется широкое распространение в русском языке центральных областей украинизмов и элементов южно-русских наречий. Это выражается прежде всего в длительном придыхательном произношении [г] (близко к [х]), тогда как по норме, сохраняющей силу и теперь, этот звук должен быть взрывным и звонким. С юга пришло смягчение шипящих, а также [ц], так что после них слышится не [н], как требует норма, а [и], например, в словах жизнь, шило, цикл и т.п.

Между прочим, из правила о твердом произношении [х] есть исключение, в наше время мало известное: [х] в корневых сочетаниях [эж] и [жж] произносится как долгий мягкий звук, например: пожже (позже), приежжий (приезжий), вожжи (вожки) и т.п. Но если эти сочетания находятся на стыке словообразующих элементов, скажем, приставки и корня, произношение [х] остается твердым, например, в слове разжигать, где раз - приставка, а жиг - корень.

Еще один "жизм" - твердое произношение согласных перед буквой [е]: пионэр, академия, кофе, сэрдце, газета и т.д.

Постоянные споры вызывает произношение что, чтобы и сочетания -чн-. По современной норме, полагается произносить што, штобы; что касается -чн-, то оно звучит как [-шн-] в немногих бытовых словах: конешно, булошная, скушно, яшница, в отчествах у женщин, например, Ильинишна.

Если вкратце охарактеризовать современное литературное произношение, то скажем, что главный его признак – умеренное "аканье". Так, слово голова северянин и волжанин произнесут согласно написанию, четко выговаривая [о] во всех слогах; вжанин, напротив, будет сильно "акать": галава. Умеренное же, т.е. нормативное аканье достигается следующим: четко и длительно звучит [а] в ударном слоге ва, в предударном слоге до звук а краткий, а в далеком от ударения слоге го вместо [а] произносится уже встречавшийся нам редуцированный звук [ъ] и в целом получается гълава. Редуцируются и заударные [а] и [о], например, книгъ (книга), а вот начальные а и о всегда выговариваются как [а]: абсолютный (абсолютный), атравенный (откровенный).

Безударные [е] и [я] в произношении близки к [и], например, в словах земля, лягушка. Начальный [и] в слитном произношении с конечным согласным предшествующего слога превращается в [ы]: изныбы, безыскусный.

Переднеязычные звуки отличаются неустойчивостью, перед другими согласными они могут выпадать или подвергаться ассимиляции. Поэтому следует произносить серце (сердце), советский (советский), щастье (счастье), прелесный (прелестный), доклачик (докладчик) и т.д.

Сдвоенные согласные произносятся по-разному. Сдвоенное н (например, в слове длинный) звучит длительно; то же наблюдается у начальных сдвоенных [с] и [в] (ссора, введение). В середине корня сдвоенные согласные распространено после ударного слога (касса, гамма). В остальных случаях сдвоенные согласные произносятся кратко: груп(п)а, кол(л)ектив, ком(м)унизм, суб(б)ота, тер(р)итория, ас(с)истент и т.п. Весьма распространено ошибочное произношение [н] как долгого звука в словах юный, свиной, песчаный, хотя здесь этот звук выражен только одной буквой.

Рекомендуется не бояться упрощений в именах и отчествах, чтобы они не звучали слишком книжно, вернее – буквенно. Лучше говорить с Пал Палычем, с МарьИванной, чем с Павлом Павловичем, с Марией Ивановой.

Об остальных признаках литературного произношения (орфоэпии) можно прочитать в рекомендуемой литературе. Сейчас же возвратимся к диалектным отклонениям. В некоторых диалектах наблюдается "цо-

канье" (пашка вместо чашка), [к] переходит в [т] (тислий вместо кислий), [ц] - в [с] (куриса вместо курица), [ф] - в [хв] (хвартук вместо фартук), смягчается конечное [-т] в глагольном окончании (идеть вместо идет), стягиваются [а] и [е] в глаголах (думат вместо думает), что, чего превращаются в чѐ или щѐ.

Нередко противопоставляют друг другу московское и ленинградское произношение. В своей исторической основе петербургское произношение не могло быть иным, чем московским, так как новую столицу населяли в основном выходцы из Москвы. На петербургское произношение влияли окружающие северновеликорусские и средневеликорусские говоры. Специалисты считают, что приблизительно пятая часть особенностей ленинградского произношения связана с воздействием орфографии (буквенное, орфографическое произношение что, конечно, хочется и т.д.). Можно, пожалуй, говорить о своеобразном ленинградском "еканье" - верейтно вместо вероятно, петак вместо пятая, желчь вместо жёлчь. Встречается твердое произношение губных звуков перед [е], например, цвэт вместо цвет, бэз вместо без. Забегая немного вперед, отметим, что в речи ленинградцев есть отдельные лексические особенности: батон называется булкой, проездные и единные билеты - карточкой, прямоугольной формы мороженое - брикетом; среди старой питерской интеллигенции распространены чисто местные уменьшительные варианты имен: Ната, Тата, Кока, Мики и т.п. Но все это, в конце концов, мелочи, не дающие основания рассматривать язык ленинградцев как особый говор.

Во все более сужающихся кругах московской и ленинградской интеллигенции буржуазно-дворянского происхождения до сих пор заметна тяга к известной манерности в произношении иностранных слов. Произносят, например, [э] вместо [е] (причем отнюдь не под влиянием украинского языка): тэма, конкрэтний, тэхника, музэй, паштэт, дэмон и т.п. Нужно сказать, что в ряде слов иностранного происхождения перед [е] сохраняют твердость, например, в словах тенденция (тэн-дэнция), ателье (атэлье) и особенно в именах и фамилиях, например, Гете (Гетэ), Сенека (Сэнэка) и пр.

Претенциозно звучит четкое [о] в безударном положении: костом, колонна; но опять сделаем оговорку: в отдельных словах (досье, позт) и в именах и фамилиях (Шопен, Ромен Роллан) [о] не переходит в краткий [а]. На французский манер делают [н] носовым звуком (галайтний, айсамбль, койперт). По той же причине смягчают [л] (лайнер вместо лайнер, Скарлатти вместо Скарлатти, Дувр вместо Дувр и т.п.). Не подвергают оглушению конечные звонкие согласные (коллектив вместо коллектиф). Воспроизводят двойные согласные в основе (коммунизм

вместо ком(м)унизм и т.п.).

Всякие отклонения от орфоэпических норм вызывают отрицательную реакцию у слушателей, хотя у них самих произношение может быть далеко небезупречным.

Л и т е р а т у р а

А в а н е с о в Р.И. Русское литературное произношение. М., 1972. Изд. 7. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.

В е р б и ц к а я Л.А. Русская орфоэпия. Л., 1976 (анализируется так называемое ленинградское произношение).

К о з л я н и н о в а И.П. Современное литературное произношение (орфоэпия). Учебное пособие с комплектом долгоиграющих пластинок. М., 1963.

Из литературы к предыдущим главам см. также работы К.С.Горбачевича, Е.И.Леонарди, Е.Ф.Саричевой, Л.И.Скворцова.

Грамматическая нормативность

Грамматический строй изменяется медленнее по сравнению с лексикой, произношением, ударением. Однако эволюционирование грамматической нормы при ее относительной устойчивости все же происходит, что, как говорилось, порождает варианты. Некоторые из них равноценны, в других вариантах один оказывается (хотя бы в настоящее время) предпочтительнее. Нельзя, однако, злоупотреблять вариантностью (равно как частотностью и ситуативностью) для оправдания речевой неряшливости.

В форме именительного падежа множественного числа существительных мужского рода соперничают два окончания: -ы/-и и -а/-я. Последнее окончание органически присуще существительным среднего рода: окно-окна, поле-поля. Сначала -а/-я стало проникать в слова мужского рода с односложной основой: дом-дома́, лес-лесá. Сейчас в одних существительных мужского рода как норма сохраняется традиционное окончание -ы/-и: сто́лы, выбо́ры, догово́ры, клапа́ны, офице́ры, инже́неры; в других нормативной стала флексия -а/-я: ле́са, дома́, сту́лья, учите́ля, поезда́, профессора́. В некоторых словах сосуществуют оба варианта: сле́сари и слесаря́. Все эти тонкости должны быть усвоены лектором. Пусть он в случае сомнения почаще заглядывает в словарь. И совершенно недопустимо окончание -а/-я в существительных женского рода: ско́ростя́ (вместо ско́рости), площа́я (вместо площади), ёмко́стя́ (вместо ёмкости) и т.п.

При обозначении места на вопрос "где" названия географических мест с суффиксами -ово-, -ино- допускают варианты: в Иваново — в Иванове (этот пример приводился ранее), в Марьино — в Марьине; первый вариант уместен в языке военных, геологов, когда требуется предельная точность и нужно избежать путающих созвучий.

Когда морфологические варианты равноценны, то выбор одного из них зависит от желания лектора, от оценки ситуации высказывания, от привычки, связанной с социальной принадлежностью, профессией и даже возрастом лектора. Люди постарше предпочитают один вариант, те, кто помоложе, — другой; то же можно сказать об интеллигентах и рабочих, гуманитариях и техниках и т.д. Вот образцы таких вариантов: кусочек сахара-кусочек сахару, в отпуске-в отпуску, каплет-капают, движет-двигает, мучит-мучает, брызжет-брызгает, удостоивать-удоставлять, оспоривать-оспаривать, обуславливать-обуслаивать.

Но есть безусловные неправильности: плотит вместо платит, уплоченный вместо уплаченный, брысь вместо брысь. Стремление выравнять основы единственного и множественного числа в просторечии породило ненормативные формы, с одной стороны, хочем, хочете, хочут, с другой, — хотишь, хотит. Тенденция к упрощению вызвала краткие, ставшие уже нормативными формы причастий: отваствен вместо ответственный, формы родительного падежа множественного числа с нулевым окончанием: среди туркмен (вместо туркменов), грамм (вместо граммов), апельсин (вместо апельсинов), помидор (вместо помидоров). Зато совершенно неправильно, когда по аналогии с мужским родом и средним род в родительном падеже множественного числа принимает окончание -ов, например, делов вместо дел.

Многие отклонения от нормы носят диалектный характер, например, дательный падеж единственного числа на -е в существительных женского рода: у сестре (вместо у сестры); уподобление творительного падежа дательному: с друзьями (вместо с друзьями); утрата среднего рода: яблок (вместо яблоко), большой окно (вместо большое окно), какая растения (вместо какое растение) и т.п.; упоминавшееся выше смягчение глагольного окончания в третьем лице единственного числа: идёт вместо идет.

Даже образованные люди ленятся склонять количественные числительные, чем грубо нарушают норму. Так, словосочетание "контейнер с 2345 деталями" далеко не каждый произнесет правильно: "контейнер с двумя тысячами тремястами сорока пятью деталями".

Игнорируют частицу -ся в возвратном залоге причастий и позволяют себе говорить трудящие (вместо трудящиеся), приближающие экзамены (вместо приближающиеся экзамены), выдающие ученые (вместо вы-

дающиеся учение), небьющие стекла (вместо небьющиеся стекла).

Явления синтаксиса сначала не обозначались специальными терминами; затем античные философы, которые одновременно были и филологами, перенесли на синтаксис логическую терминологию, и названия "подлежащее", "сказуемое", "дополнение", "определение" стали обозначать не только категории логики, но и члены предложения. Отсюда ясно, что, нарушая синтаксические нормы, погрешаешь против логики.

Нельзя, например, объединять несопоставимые понятия. В предложении "урожай свеклы в этом году выше прошлого года" урожай сопоставляется с годом! Надо было сказать: "чем в прошлом году", так как сравниваться могут только однородные члены предложения.

Поскольку в родительном падеже может употребляться и логический субъект ("роман Тургенева") и логический объект ("строительство дома"), то словосочетание "вызов редактора" двусмысленно: то ли редактор вызывает к себе кого-то, скажем, автора, то ли кто-то, например, директор издательства, вызывает к себе редактора.

Путаница может возникнуть из-за глаголов с одинаковым управлением. Во фразе "Мне нужно говорить громко" неясно, кто страдает глухотой: говорящий эту фразу (т.е. я) или (мой) собеседник.

Иногда не учитывают многозначности частей речи, например, сопоставляя с. Поэтому предложение "Борьба велась с большими потерями" можно понимать двояко: "борьба велась против больших потерь" и "борьба против чего-то сопровождалась большими потерями".

Так как имена среднего рода имеют одинаковую форму в именительном и винительном падежах, то при двух существительных среднего рода в одном предложении не всегда понятно, какое из них служит подлежащим, а какое — дополнением. Это наглядно иллюстрирует такая фраза: "строение загораживает дерево". Для внесения ясности придется прибегнуть к страдательному обороту: "строение загораживается деревом" или "дерево загораживается строением".

Здравый смысл нарушается из-за смешения прямой речи с косвенной. Поэтому если корреспондент говорит: "Рабочий сказал, что я перевыполнил норму", получается, что норму перевыполнил не рабочий, а корреспондент. Надо было сказать: "что он перевыполнил норму".

Некоторые глаголы: обменяться, нарушать, подвергаться, переживать, выражаться — не употребляются без так называемого необходимого дополнения или пояснительных слов. Не годится поэтому строить предложение таким образом: "После собрания присутствующие обменялись". Спрашивается, чем обменялись, рукопожатиями? Нет, конечно. Подразумевается, что они обменялись мнениями. Так вот, дополнение "мнениями" абсолютно необходимо.

Масса ошибок допускается в управлении падежами, особенно при предложениях. Ряд ошибок объясняется аналогией, смежностью. Например, "удивляться на кого-либо" говорят по аналогии со "смотреть на ...", "указать о чем-либо" тоже возникло по смежности, в данном случае с сочетанием "сказать о...", а надо бы употребить другие конструкции: "удивляться кому-либо, чему-либо", "указать на кого-либо, что-либо". Хорошо бы запомнить, что предлоги благодаря, вопреки, согласно сочетаются с дательным, а не с родительным падежом. Варианты норм есть и в управлении падежами. Так, можно сказать "ждать приказ" и "ждать приказа". В управлении предлогами встречаются жаргонизмы ("на флоте" у моряков) и диалектизмы ("скучать за кем-либо", "оплачивать за" вместо "скучать о", "оплачивать что").

В русском литературном языке отсутствуют абсолютные причастные обороты; деепричастие, примыкая к глагольному сказуемому, соотносится с подлежащим. Поэтому безграмотно будет построена такая, например, фраза: "Подсчитывая выручку, обнаружилась недостача". Не сама же недостача подсчитывала выручку, а человек! Невольно вспоминается знаменитая чеховская "Жалобная книга": "Подъезжая к сией станции и глядя из окна на природу, у меня слетела шляпа". Подобная ошибка может в речевом потоке остаться незамеченной, если логическое действующее лицо (не грамматическое подлежащее!) в основном предложении и деепричастном обороте одинаковое. Так, в предложении "Войдя в аудиторию, мне показалось, что народу мало", имеется в виду, что я вошел в аудиторию и я же собственными глазами увидел (т.е. мне показалось).

Л и т е р а т у р а

Грамматика и норма, под редакцией Л.И.Скворцова. М., 1977.

Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.

Синтаксис и норма, под редакцией Г.А.Золотова. М., 1974.

Нормативность лексики

Здесь уместно рассмотреть неоспоримые ошибки в образовании и употреблении слов; корни этих неправильностей уходят как в недостаточную грамотность, так и во влияние жаргонов, диалектов, просторечия.

Ранее говорилось об ошибочном применении глаголов подсказать, подойти, подъехать. Того же порядка слова подослать (вместо послать), поднести (вместо принести). Своеобразная "мода" пошла не только на приставку под-, но и на приставки за- и о-: завесить (вместо взвесить), заиметь (вместо приобрести), задействовать (вместо привести в действие), захоронить (вместо похоронить), обилетить (вместо продать билеты), запросто (вместо просто), окабелить (вместо провести кабель), оборнить (вместо развести рыбу) и т.п. Как нужно понимать сообщение: "Директор озадачил коллектив?" По нормативному смыслу, "озадачить" означает не "поставить задачу", а "привести в недоумение". В данном случае можно подумать, что директор выкинул что-нибудь несуразное на глазах у коллектива.

Приставка по- часто обозначает действие между прочим. Например, у женщины выдалось время, и она постирала, пошила. Но что же она в результате сделала? Она не пошила себе блузку, а сшила ее, и работа, которую проделала женщина, называется не уродливым жаргонизмом пошив, а добротным русским словом шитьё. Очень распространен глагол поприветствовать. Думают, что он выражает совершенный вид в отличие от глагола несовершенного вида приветствовать. Но дело в том, что глагол приветствовать (как и глагол использовать) не имеет грамматически оформленных видов и означает и однократное и многократное действие. А поприветствовать (как и пошить) выражает действие попутное, даже имеет оттенок какой-то снисходительности (вроде "похлопать по плечу").

Уже давно безнадежно пытаются надеть-одеть, раздеть-снять. Один из второстепенных литераторов конца XIX века В.А.Крылов даже сочинил по этому поводу наставительное стихотворение:

Любезный друг, не надо забывать,
Что одевать не значит надевать;
Не надо путать эти выраженья,
У каждого из них свое значенье.
Запомнить это можно без труда:
Глагол одеть мы говорим, когда
На что-нибудь одежду надеваем,
Иль что-нибудь одеждой покрываем,
Иль иначе в одежду одеваем.
Себя нарядней хочешь ты одеть,
Так должен платье новое надеть.
И руку ты перчаткой одеваешь,
Коль на руку перчатку надеваешь.
Дитя оденешь в платьице его,

Когда наденешь платье на него.
Кому родной язык и мил и дорог,
Ошибки тот не терпит и следа,
И потому, дружок мой, никогда
Не делай ты подобных оговорок.

Проще говоря, как правило, одевать и раздевать — кого, а надевать и снимать — что.

Лексическая пара надевать-одевать принадлежит к так называемым паронимам, т.е. к словам, сходным по морфологическому составу, а, значит, и по звучанию, но различающимся по значению. Ошибки в употреблении паронимов очень часты. Иные совершенно запутались в значениях повезло-подвезло, командированный-командировочный, представлять-предоставлять, осваивать-усваивать, эффектный-эффективный, факт-фактор, выглядывать-выглядеть. Трудность усугубляется тем, что паронимы в какой-то мере сохраняют смысловую связь, а некоторые пары (вроде далекий-далшний) даже синонимичны. Специально паронимам посвящен словарь-справочник Ю.А.Бельчикова и М.С.Панюшевой "Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка" (1969).

В речи образованных людей, даже филологов, встречаются и другие лексические ошибки: днями вместо на днях, где-то на вопрос "каким образом?", "в каком отношении?" ("он где-то прав" вместо "он в чем-то прав"), распределять вместо направлять, назначать на вопрос "куда?" ("выпускника распределили в Казань"); пара о непарных понятиях (например, "пара слов"); поднимать тост вместо провозглашать, предлагать (поднимают в таком случае бокалы); занять вместо дать взаимы; довлеть в значении преобладать, господствовать (нормативное значение этого глагола — быть достаточным).

Кое-что объясняется влиянием диалектов, главным образом южных: кура (вместо курица), игратся — о ребенке (вместо играть), где идешь (вместо куда идешь), заниматься (вместо работать), бокал (вместо кружка), со школы (вместо из школы), еще тот (вместо известный, пресловутый).

А теперь о просторечии. Трудно перечислить безграмотные искажения в формообразовании и употреблении слов: ложить (вместо класть), слазить, влезить, взамуж, нагинаться, ихний, напополам, встренуть, обратно (вместо снова), сколько много (вместо как много или сколь много), более лучше (вместо лучше или более хорошо). Ошибочно проносят [ѣ] вместо [е] в словах шлем, современный, опека, бытие, атлет, афера, истекший и др.

Казалось бы, не нужно и затрагивать этот речевой пласт, коль скоро рекомендации адресованы лекторам. Однако из желания казаться

"своим" в малообразованной аудитории иной интеллигентный человек нарочито нарушает языковые нормы, кокетничает псевдонародными словечками, чуть ли не ругательствами. Такие потуги едко высмеял В.И. Ленин: "...это не популярность, а дурного тона популярничанье. Словечка нет простого... Без выкрутас, без "народных" сравнений... вроде "ихний" — автор не скажет ни одной фразы... а в уродливо-упрощенном, подсолённом шуточками и прибауточками виде..."¹. Сам Ленин всегда говорил правильным литературным языком, не допуская искусственной корявости и балагурства, обсуждались ли с А.В. Луначарским перспективы развития советской науки или шла доверительная беседа с ходоком-крестьянином, пришедшим из захолустной деревни в Кремль к Ильичу "за правдой".

Немного о молодежном жаргоне, потому что лекторы, как воспитатели молодежи, призваны проявлять заботу о ее речевой культуре. Почему в языке молодых людей бытуют все эти жуть, муть, потрясно, железно, клёво, чувак, прикол, сачковать, балдёр и т.д.? Лет двадцать тому назад К. Чуковский дал ответ на этот вопрос: "Изрядная доля людоедских словечек создана, так сказать, в противовес той лакированной, ханжески благонамеренной слащаво фальшивой речи, которую разные люди в футляре всё ещё продолжают культивировать в школе. Дети, принуждаемые на многих уроках (даже на уроках литературы!) пользоваться этой штампованной речью (без единого проблеска человеческих чувств), естественно, ищут спасения от ее опостылевших штампов в самой оголтелой вульгарщине". Писатель продолжает: "Подростки любят напускать на себя некоторую развязность и грубость, так как им совестно обнаружить перед своими товарищами мягкие, задушевные, лирические чувства. Кроме того, наша обычная, традиционная "взрослая" речь нередко кажется пресной и скучной... (Жаргон) вызван не только обеднением чувств, но и сам в свою очередь ведет к обеднению чувств. Попробуйте хоть неделю поговорить на этом вульгарном аргоне, и у вас непременно появятся вульгарные замашки и мысли". Однако заключение у К. Чуковского оптимистично: "Они (жаргоны. — А.К.) недолговечны. В отличие от подлинных слов языка, они ежегодно выходят в тираж. Вторая счастливая особенность этих жаргонов в том, что они никогда — или почти никогда — не входят в общенациональный язык"².

Среди молодежного жаргона нарочито небрежная, сниженная лек-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 358, 359.

² Чуковский К.И. Нечто о лабуде. — Литературная газета от 14 августа 1961 г.

сика: загранка, верняк, художка (художественная литература), даже Сикстинка (Сикстинская мадонна Рафаэля). То, что такие слова отражают обывательское отношение к жизни со всеми ее ценностями, вряд ли есть необходимость доказывать.

Нередко спрашивают о степени нормативности прилагательного волнительный. Это слово образовано при помощи суффикса -итель-, обозначающего активное действие (ср. удивить, удивлять – удивительный). Некоторые языковеды считают, что волнительный образовано не нормативно, поскольку суффикс -итель- принимают прилагательные, образованные от глаголов на -ить: убедить-убедительный. Нам неприятно слышать это слово не из-за отклонений от нормы в его образовании, а потому, что оно манерное, пришедшее (как и слово наив) из актерского жаргона. Глагол смотреться в значении выглядеть тоже имеет оттенок претенциозности.

Итак, до сих пор разговор шел о речевых нормативах и отступлениях от них. Но следование только одному критерию "правильно-неправильно" обеднило бы речь. Необходимы и другие критерии: "уместно-неуместно", "выразительно-невыразительно".

Л и т е р а т у р а

Литературная норма и просторечие, под ред. Л.И.Скворцова. М., 1977.

Нормы современного русского литературного словоупотребления, под ред. Г.А.Качевской и К.С.Горбачевича. М., 1966.

Правильность русской речи. Опыт словаря-справочника, под ред. С.И.Ожегова. М., 1965.

Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник, под ред. К.С.Горбачевича. Л., 1973.

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ

Как уже говорилось, антинаучно и вредно противопоставлять выразительность речи ее правильности. Выразительность достигается использованием в соответствии с нормой тех фонетических, грамматических и лексических средств языка, которые наиболее соответствовали бы содержанию, цели и ситуации высказывания. Этой проблемой занимается паралингвистическая наука – практическая стилистика современного русского литературного языка.

Абрамович А.В., Бельчиков Д.А., Вакуров В.И., Вомперский В.П., Зарва М.В., Пажошева М.С. Практическая стилистика русского языка. М., 1962.

Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.

Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М., 1976.

Галь Н.Я. Слово живое и мертвое. М., 1979.

Дерягин В.Я. Беседы о русской стилистике. М., 1978.

Изд. 2. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.

Зарва М.В. Слово в эфире. М., 1977.

Одинцов В.В. Структура публичной речи. М., 1976.

Развитие функциональных стилей современного русского языка, под ред. Т.Г.Винокур и Д.Н.Шмелева. М., 1968.

Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1976.

Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды, под ред. Д.Э.Розенталя. М., 1980.

Фонетическая стилистика

В человеческом голосе заложены поистине неограниченные возможности выражать тончайшие нюансы мыслей и эмоций. Общеизвестны слова Бернарда Шоу: "Есть пятьдесят способов сказать слово "да" и пятьсот способов сказать слово "нет", а для того, чтобы написать эти слова, есть только один способ".

Мы будем говорить о звучании индивидуальной человеческой речи. Было бы антинаучно делать заключения о благозвучии или неблагозвучии языка как такового и противопоставлять "красивые" языки "некрасивым". Неправомерность подобного подхода лектор сам должен глубоко осознавать и разъяснять своим слушателям, если ему будет задан вопрос: "Какой язык красивее?" У носителя национального языка как языка родного или у человека, в совершенстве владеющего этим языком, артикулирующие речевые органы работают рефлекторно, без напряжения, что приводит к естественности звучания, а то, что естественно – красиво. Красив не только итальянский язык, на котором поют прославленные певцы. По-своему красивы все языки: и европейские, и азиатские, и африканские... В этом убедившись, если дол-

го будешь жить среди людей какой-либо национальности, изучишь их язык, постигнешь его мелодику.

Что же может нарушать благозвучие (евфонию) речи человека? В старых руководствах по риторике, например, советовали избегать скопления гласных или согласных. Вот (правда, несколько искусственные) примеры неблагозвучия: "И у Иова и у Ильи", "Купил Петр метр драпа". Рекомендуются не допускать в одной фразе повторения одинаковых слогов. Так, Горький, редактируя одну рукопись, забраковал предложение: "Извозчик изылек из кармана кистет". Неприятное впечатление производит обилие шипящих и свистящих звуков, например, в причастиях, оканчивающихся на -ший, -ший и в формах возвратно-страдательного залога глаголов на -тся (-ца). Однако современный оратор о таких мелочах и не заботится; он вполне доволен, если ему удастся избежать повторения однокоренных слов типа "явление является", "институт подготавливает хорошо подготовленных специалистов", или возникновения нежелательных, неблагозвучных ассоциаций.

Но в это время, как подобного рода непредвиденные ассоциации возникают редко, неправильный смысл фразе может довольно часто придать так называемая омонимия, т.е. звуковое совпадение слов при разном их значении, например, стекло (существительное) и стекло (глагол). Один лектор неосторожно сказал: "Дружба спаивает товарищей". В зале раздался хохот, тем более оглушительный, что был свеж в памяти вчерашний банкет. Бывают слова, которые в силу нормативного оглушения конечных звонких произносятся одинаково, хотя различаются в написании, — так называемые омофоны: лут — лук, лез — лес и т.п. Полезно познакомиться со Словарем омонимов русского языка О.С.Ахмановой (М., 1974).

Подчас в нашей речи произвольно возникает упорядоченное чередование ударных и безударных слогов, появляются случайные созвучия и даже рифмы и, таким образом, как бы получаются скверные стихи, вроде "привлекает внимание красивое здание".

Одни ораторы злоупотребляют короткими словами, и их речь делается отрывистой, у других преобладают длинные слова, что делает речь тягучей. Все это мешает восприятию содержания. К тому же результату приводит нанизывание одинаковых грамматических форм (чаще всего — родительного падежа), да еще со сходными окончаниями. В одном пособии по стилистике приводится такой выразительный пример: "Собрание потребовало ускорения выполнения решения правления колхоза". Естественный ритм речи нарушается педантичным стремлением расщепить закрепившиеся в речевом обиходе комплексы иностранных имен и названий. Вряд ли стоит, например, говорить Жюль Верна вмес-

то Жюль Верна (ср. Майн Рида, Брет Гарта, Конан Дойля и т.п.).

Многие, особенно если приходится выступать экспромтом, впадают в так называемую ангофразию: прерывают речь гласными и носовыми согласными звуками э..., м..., н... Однако случается, что этими паразитическими призвуками даже кокетничают, демонстрируя мнимую раздумчивость, делая вид, что подыскивают нужные слова.

Каждого из нас раздражает логически неоправданное выделение голосом слов, которые в предложении служат определениями. Зачем, скажем, водитель, объявляя остановку, говорит так: "Стадион юных пионеров"? Как будто бывают пионеры женные!

Итак, о логическом ударении. В обычной информативного характера фразе оно находится на последнем значимом слове. Так, в предложении "Иванов - хороший мастер" ударение, естественно, падает на "мастер", а в предложении "Иванов - мастер хороший" - на слово "хороший". Нужно говорить "борьба классов", "магазин закрыт" (ударные слова подчеркнуты). Неправы те чтецы-дилетанты, которые делают логическое ударение на прилагательных, находящихся перед существительными: "Я помню чуждое мгновение..., как мимолетное виденье, как гений чистой красоты". В таких случаях стремятся к выразительности, а получается назойливость и нелогичность. Всякое логическое ударение не в конце предложения невольно вызывает у слушателя ощущение противопоставления. В самом деле, попробуйте предложение "Петров учится на физическом факультете Московского университета" произнести с логическим ударением не в конце: сразу же возникает противопоставление: Петров (а не Иванов), учится (а не работает), на физическом (а не на химическом) факультете, Московского (а не Ленинградского) университета. Из казенного языка прейскурантов, меню и пр. в устную речь проникает порядок слов, приводящий к неоправданному логическому ударению: салат зеленый, платье ситцевое, кофе черный и т.п.

Выделяются однородные члены предложения, причем из определенных-прилагательных ближайшее как бы сливается с существительным: "лектор обладал сильным, красивым, хорошо поставленным голосом". Выделение происходит при сравнении: "то, как зверь, она завоет". Усилительные наречия и частицы даже, и (в значении даже), именно, уже, как раз, еще не, и не и т.п. вызывают логическое ударение на словах, которые стоят после них: "именно об этом идет речь", "я и раньше утверждал это". А вот слова тоже, совсем сами несут на себе ударение: "девочка тоже хочет мороженого". Логическое ударение может передаваться не только усилением звука, но и повышением (или понижением) тона и протяжным произнесением ударного слога: "такой

далё-о-кий". Очень утомительно слушать того, кто стремится голосом подчеркнуть каждое слово, поскольку все слова представляются ему одинаково важными. Особенно часто этот недостаток встречается в лекциях и речах на политическую тему.

Трудно воспринимать и тем более записывать речь, которая произносится без логических пауз и превращается в тараторенье. В равной мере тяжела речь с паузами после каждого слова или с беспорядочными паузами, игнорирующими смысловые связи членов предложения. Чуть ли не во всех руководствах приводится как пример фраза: "Казнить нельзя помиловать". В зависимости от логической паузы и сопровождающего ее знака препинания предложение приобретает диаметрально противоположные значения: "Казнить, нельзя помиловать" и "Казнить нельзя, помиловать". Один чтец обратил внимание на традиционно неправильное чтение стихов Пушкина:

И над отечеством свободн просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

При паузе после слова просвещенной выходит, что у свободы просвещенной есть отечество, и оно, это отечество – Россия Николая II! Смысл совершенно искаженный. Слово свобода служит определением не к слову отечество, а к слову заря (заря свободы), поэтому паузу следовало бы делать после слов над отечеством.

Пауза помогает рациональному дыханию, дает возможность собраться с мыслями, выявляет логический строй фразы. Длительность паузы различная. Пауза может быть и мгновенной. Совершенно необязательна связь паузы со знаками препинания. Возьмем такое предложение: "Народный артист Советского Союза Василий Иванович Качалов прочел предсмертное стихотворение великого русского поэта Александра Блока "Имя Пушкинского Дома в Академии наук". Ни одного знака препинания здесь нет, а паузу нужно сделать между распространенными подлежащим и сказуемым: "...Качалов прочел...". Приведем предложение, в котором просто нелепо было бы делать паузу там, где стоит знак препинания – запятая: "Сегодня я вышел на улицу и, так как погода была хорошей, отправился гулять". Конечно же, пауза будет после слова улицу, а не после союза и. Существует даже "золотое" правило: пауза наступает перед союзами а, и, но, да.

Мы уже знаем, что для мысленного противопоставления логическое ударение может быть на слове, находящемся не в конце предложения; в таком случае логическое ударение сопровождается логической паузой: "Принципиальность (подразумевается: а не что-либо другое) являлась основной чертой его характера". Паузой подчеркивается

обособление, приложение: "картина Ромадина, замечательного советского художника". Естественно пауза наступает, когда пропускаются члены предложения или союзы (в письменной речи тогда ставится тире): "Москва – столица Советского Союза", "сказано – сделано". Уместна пауза после обстоятельственных слов, если они находятся в начале предложения, например: "При любой погоде матч состоится".

От логической паузы отличается пауза психологическая, или пауза красноречивого умолчания. Эта пауза всегда имеет подтекст и потребна для додумывания, допереживания, мысленного "досматривания" предыдущего перед переходом к тому, что будет вызывать иные мысли, иные эмоции. У этой паузы должен чувствоваться большой внутренний заряд, иначе слушатель подумает, что говорящий просто что-то забыл и запнулся. Часто психологические паузы рассчитаны на догадливость окружающих, вызваны нежеланием говорить тривиальное, само собой разумеющееся и формально представляют собой обрыв фразы. В письменной речи в таком случае применяется многоточие.

Мы обычно не задумываемся над интонацией, когда изъясняемся на родном языке, зато делаем объектом специального изучения интонацию языка иностранного. Между тем, даже в повседневной речи, не говоря уже о лекционной, мы допускаем немало интонационных ошибок. Интонация – это сложный ритмико-мелодический комплекс, включающий в себя изменение высоты тона, ритм, силу звука, его тембровую окраску, темп и то, о чем только что говорилось, – логическое ударение. Интонация, конечно, связана с грамматическим строем фразы; но главное в интонации – это смысловое и эмоциональное задание. Рассмотрим основные виды интонации и соотнесем их с пунктуацией в письменной речи.

При утвердительном высказывании информационного характера (точка) тон понижается и далее следует пауза. Вопросительная интонация (знак вопроса) – это повышение тона. Восклицательная интонация (восклицательный знак) выражается в повышении тона и усилении голоса. Предупредительная интонация (двоеточие) предполагает легкое понижение тона, сопровождаемое паузой с целью предупредить слушателя, что дальше идет объяснение. Так будет звучать слово "поздно" в предложении: "Я выбежал в коридор, но было уже поздно: товарищ успел уйти". Интонация перечисления имеет два варианта: на однородных членах предложения (скажем, во фразе: "Лекторы читают лекции по литературе, искусству, философии и т.д.") можно голос или повышать, или понижать. Важно варьировать интонацию, когда на протяжении небольшого отрезка речи перечисления встречается неоднократно. Когда в речи сообщается о чем-то второстепенном и при за-

писи были бы применены скобки, уместно облегченное (как бы между прочим) произношение. Приблизительно та же интонация наблюдается при передаче вводных слов и предложений: в основном предложении делается четкий перерыв, тон изменяется, темп убыстряется, но затем происходит возврат к тону и темпу основного предложения.

Назначение запятой – не столько разъединение, сколько соединение частей высказывания, поэтому перед мысленной запятой тон обычно повышается. Не проста интонация в сложных предложениях и, тем более в многочисленных периодах. Появляется опасность как бы "рассыпать" их. Чтобы этого не произошло, нужно выделить логический центр и подчинить ему остальные части, интонационно оттенив попутные замечания, возвращения к уже сказанному и т.д. Отдельные ораторы, обладающие силой воображения, на какое-то мгновение даже представляют себе фразу в виде некоей пространственной схемы.

Что касается тембра речи, то он передает те или иные эмоционально-экспрессивные оттенки и в зависимости от них может быть "веселым", "лиричным", "недоумевающим", "испуганным"...

Говоря в целом о стиле звучания лекторской речи, заметим, что она, не превращаясь в декламацию, все-таки должна несколько возвышаться над обычной речью. Разговорные интонации пусть не снижаются до будничного говорка. Слушатели ценят элемент приподнятости, даже некоей праздничности в лекции. Праздничность эта сказывается и во внешней подтянутости лектора, в выражении его лица, в интонации его голоса; ощущение праздничности вызывается у слушателей сознанием того, что они услышали от лектора нечто новое, интересное и важное.

Л и т е р а т у р а

Б р ы з г у н о в а Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.

З а п о р о ж е ц Т.И. Логика сценической речи. М., 1974.

Н а й д е н о в Б.С. Выразительность речи и чтения. М., 1969.

П е т р о в а А.Н. Сценическая речь. М., 1981.

Грамматическая стилистика

Многие привыкли смотреть на грамматику чуть ли не как на лицо врага, которого нужно одолеть. Вся забота у таких людей сводится к тому, чтобы не забыть грамматические правила. А грамматика таит в себе неограниченные возможности сделать нашу речь вырази-

тельной. Возможности эти заключаются в синонимии, во взаимозаменяемости форм и связей. Взаимозаменяемость может быть совершенно равнозначной; но она может содержать и разные смысловые оттенки.

Рассмотрим, к примеру, разные формы прилагательных. Полная форма подчеркивает постоянство качества ("он больной человек"), краткая – временность ("этот человек болен"). Нередко краткая форма передает категоричность суждения ("она зла" сильнее, чем "она злая"). Кроме того, краткая форма более присуща разговорной речи, полная – книжной. Те же оттенки книжного и разговорного стилей при смысловой равнозначности наблюдаются при сопоставлении простой и сложной форм степеней сравнения: "этот дом ниже", и "этот дом более низкий". Не будем забывать, что существуют различные способы выражения притяжательности: при помощи существительного в родительном падеже ("дом отца") и прилагательного ("отцовский дом"). Определение, выраженное существительным с предлогом ("часы из золота"), несет на себе особый акцент по сравнению с определением-прилагательным ("золотые часы"). Вообще существительное сильнее подчеркивает какой-либо признак, чем другие части речи, скажем, глагол: "он лентяй", конечно, сильнее, чем "он ленился". Это тонко подметил Герцен. В "Былом и думах" он писал: "Название – страшная вещь. Если дитя солжет, испугайте его дурным действием, скажите, что он солгал, но не говорите, что он лгун".

Аналогичная разница в силе воздействия заметна у личных глагольных форм и причастий, последние явно слабее первых и могут восприниматься как наречия: "они шли молча" – это не то же самое, что "они шли и молчали".

Устная речь избегает страдательных оборотов, так как они придают ей книжность, тяжеловесность, снижают выразительность. Достаточно сравнить два предложения: "Ветер задул свечу" и "Свеча задута ветром". Разумеется, первая конструкция предпочтительнее второй. Столь же не расположена устная речь к причастным и деепричастным оборотам и употребляет равнозначные им придаточные предложения определительные и обстоятельственные.

Формы русского глагола обладают замечательным свойством взаимозаменяемости. Так, форма настоящего времени может обозначать действие прошедшее и будущее: "Я иду (сейчас) в университет", "Иду я вчера по улице и встречаю приятеля", "Завтра я иду в театр".

Не стоит придерживаться только прямого порядка слов: подлежащее – сказуемое – дополнение (или обстоятельство). Часто бывает уместным и обратный порядок слов, только не нужно им злоупотреблять, чем грешат журналисты, особенно в заголовках статей.

Избегая длинных, трудно воспринимаемых периодов, лекторы впадают в другую крайность – увлечение короткими фразами. Правильно заметил М.Кольцов: "Короткие, рубленные фразы иногда досаждают читателю (в данном случае слушателю. – А.К.) не меньше длинных"¹.

Мы не вдумываемся в стилистические возможности разных типов предложений и как бы забываем, что кроме подчинительной связи ("Когда я вышел на улицу, то увидел, что дождь прошел") существует связь сочинительная ("Я вышел на улицу и увидел, что дождь прошел"). Неплохо было бы почаще заменять сложные предложения простыми. В самом деле, к чему выражаться столь тяжеловесно: "Командир отдал приказ солдатам, чтобы оно построились", а не сказать проще: "Командир отдал приказ солдатам построиться". "Он летел соколом" звучит более "поэтно", чем "Он летел, как сокол".

Лексико-фразеологическая стилистика

О ненормативном понимании и употреблении слов уже шла речь. Теперь подумаем о стилистическом критерии – уместности или неуместности того или иного слова и словосочетания. Попробуем применить к лекторской речевой практике мудрое пушкинское замечание: "Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности"².

Некоторые люди жалуются на то, что им не хватает слов родного языка, чтобы выразить во всей полноте свои мысли и чувства. При этом даже ссылаются на известное стихотворение Ф.И.Тютчева "Молчи, скрывайся и тай и чувства и мечты свои...". Как помните, последняя строка звучит своего рода постулатом: "Мысль изреченная есть ложь". Во-первых, нельзя бездумно и буквально понимать слова поэта, которые, может быть, вырвались у него в "минуту жизни трудную". При такого рода подходе к поэзии в пессимиста превратится великий жизнелюбец Пушкин, сказавший: "Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?" Во-вторых, слов в русском языке вполне достаточно для выражения тончайших оттенков наших душевных движений. В 17-томном словаре современного (подчеркиваю: современного!) русского литературного языка зафиксировано свыше 120 тысяч слов. В то же время специалисты вычислили, что приблизительно 75% речевого обихода у среднего интеллигента покрывается запасом в 2-2,5 тысячи слов (исключая, естественно, профессиональную лексику). Конечно, в раз-

¹ К о л ь ц о в М.Е. Писатель в газете. М., 1961, с. 79-80.

² П у ш к и н А.С. Полн. собр. соч., т. II. М., 1949, с. 53.

говоре или при чтении всякий из нас поймет любое слово из 20 тысяч, но сами мы пользуемся ничтожным их количеством. Наша речь очень бедна синонимами. Например, мы без всякой меры употребляем глагол "говорить", забывая, что в зависимости от контекста речи можно было бы применить глаголы спрашивать, отвечать, утверждать, отрицать, рассказывать, объяснять и т.д. Существуют специальные словари синонимов русского языка от тоненького школьного пособия В.Н.Клдевой (1961) до двухтомного справочника под редакцией А.П.Евгеньева (1970-1971). Лексическому богатству и выразительности значительно способствуют чтение художественной литературы, интерес к театру, литературным концертам, общение с интеллектуально развитыми людьми.

Однако лексическое богатство и многословие – понятия совершенно разные. Именно недостаточный запас слов заставляет говорящего обращаться ко многим словам в тщетных поисках подходящего. К повторениям и отклонениям приводит неясное или недисциплинированное мышление, неумение отделить главное от второстепенного. Некоторые впадают в многословие из-за склонности к самолюбанию; такие люди злоупотребляют ничего не говорящими выражениями: "крайне ценный", "великолепный", "превосходный" и т.п. Иные лекторы как бы не доверяют способности слушателей воспринимать с первого слова и начинают разжевывать самоочевидное. При этом невольно хочется напомнить некрасовское:

Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям – просторно.

Вспомним, как беспощадно вычеркивал Чехов лишние слова, работая над рассказами. По словам великого французского скульптора Родена, ваяние – это удаление лишних кусков мрамора. Однако краткость – все же не самоцель. Излишний лаконизм может привести к выпадению важных звеньев и, значит, к непонятности. Торжественные же речи требуют определенной развернутости; недаром в древности говорили: "Чрезмерная краткость калечит то, что величаво".

Вернемся, однако, к уместности как критерию.

В языке анкет, справок, инструкций и прочей деловой документации образность была бы излишней, препятствующей восприятию информации. Там уместны стандартные выражения, своего рода словесные клише. Плохо, когда они проникают в нашу обычную и, тем более, в лекционную речь.

Распространились сложные (или отыменные) предлоги: по линии, по вопросу, в деле, в целях, по части, на предмет чего, при наличии,

порядка (+ числительное) и т.п.; расщепленные сказуемые: иметь возможность (вместо мочь), оказывать помощь (вместо помогать), принять меры по, иметь место (вместо существовать, встречаться), быть в курсе дела (вместо знать) и т.д.; именные конструкции вместо наречий: на сегодняшний день (вместо сегодня), в летний период (вместо летом), при наличии и т.д. К.И.Чуковский – по аналогии с названиями болезни рахит, дифтерит – метко назвал неуместные в устной разговорной речи обороты "канцеляритами".

К таким "канцеляритам" относятся избыточные выражения-плеоназмы типа "в ноябре-месяце", "пять рублей денег", "двадцать человек рабочих", "лично я", "поступательное движение вперед", "в общем и целом", "имевшийся опыт", "выступать со своим докладом", "прейскурант цен", "первый дебют", "памятный сувенир", "своя автобиография", "свободная вакансия", "старый ветеран". Однако некоторые плеонастические выражения бывают стилистически оправданы, придают речи большую эмоциональную выразительность, например: "Я видел собственными глазами", "реальная действительность"... Нужно учесть также, что ряд слов утрачивает свое первичное значение. Так, греческое слово "патриос" значит отцовский, родной. Однако теперь слово "патриот" приобрело новое значение: "тот, кто любит что-то", поэтому можно сказать: "патриот своего завода" и т.п.

Такой тонкий знаток родного языка, как К.И.Чуковский, оправдывает, например, выражения "стыд и срам", "целиком и полностью", исходя из их звуковой организации – повторения с в первом, л и о во втором – и ритма – анапеста в первом, сочетания анапеста и дактиля во втором. Он заключает: "Одно дело – экономия речи, а другое – скаредность, скряжничество, плюшкинское отношение к своему языку. Языкотворцу-народу, великому художнику слова, мало одной рационалистической стороны в языке. Ему нужно, чтобы речь была складной и ладной, чтобы в ней был ритм, была музыка и, главное, была выразительность"¹.

Из плеоназма развивается тавтология – повторение одинаковых по значению однокоренных слов. Хотя тавтология представляет собой предельно избыточное выражение и часто даже противоречит здравому смыслу, она заметно оживляет нашу речь. Вспомним такие сочетания, как "шутки шутить", "стоймя стоять", "сиднем сидеть", "белым бело", "огород городить", "крест накрест". Поскольку многие слова утрачивают первоначальный смысл, встречается мнимая тавтология: "черные

¹ Ч у к о в с к и й К.И. О складе и ладе. Литературная газета от 6 октября 1962 г.

черника", "белое белье" и т.п.

Коль зашла речь об избыточности, лишний раз предостережем от злоупотребления словами, словосочетаниями и предложениями, не несущими на себе в данном контексте смысловой нагрузки: ну, значит, вот, так сказать, вообще, собственно говоря, если можно так выразиться, нельзя не сказать и пр.

Велика сила инерции, порождающей речевые штампы. Некоторые слова почему-то сопровождаются своего рода постоянными эпитетами: крутой подъем, железная дисциплина, широкий размах, горячий отклик, живой интерес, резкий протест, грандиозные планы. Многие "красоты стиля" проникают в устную речь из газет: большой разговор, красной нитью, по большому счету, люди в белых халатах, голубые магистрали, белое (черное) золото (о хлопке, нефти), автор гола, получить прописку (в переносном значении), в большом долгу, почерк (о манере работать, например, почерк доярки). Редкий доклад, редкая лекция (не говоря уже о статьях) обходится без модного слова поиск. Распространилась уместная в анкетах и других деловых бумагах, но неоправданная в устной речи манера произносить сначала фамилию, а потом имя и отчество. Нарушение речевого этикета станет особенно очевидным, если мы анкетным способом назовем великих и дорогих нам людей, например, А.С.Пушкина...

К канцелярщине ведет перенесение технической и деловой терминологии на обычные понятия: зеленый массив вместо лес, торговая точка вместо магазин, жилища вместо квартира. Чуковский остроумно пародирует канцелярский стиль речи; вот с какими словами обращается жена к мужу: "Я ускоренными темпами обеспечила восстановление надлежащего порядка на жилой площади, а также в предназначенном для приготовления пищи подсобном помещении общественного пользования. В последующий период времени мною было организовано посещение торговой точки с целью приобретения необходимых продовольственных товаров"¹.

Если у Чуковского мы имеем дело с забавной выдумкой, то К.Г. Паустовский приводит то, что слышал на самом деле: "В одном из среднерусских сел, где мне пришлось жить, председателем сельсовета был некий Петин — маленький, милый, всегда чем-то взволнованный человек. Разговор Петина в обыденной жизни был полон метких слов, сравнений, прибауток, юмора. Но стоило ему подняться на трибуну и выпить при этом (по примеру больших ораторов) стакан желтоватой кипяченой воды, как он преображался и, держась за несвойственный ему

¹ Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 1962, с. 112.

галстук, как за якорь спасения, начинал речь примерно так:

"Что мы имеем на сегодняшний день в смысле дальнейшего развития товарной линии производства молочной продукции и ликвидации ее отставания по плану надоев молока? — И вот умный и веселый человек, вытянувшись и держа руки по швам, нес два часа убийственную околесицу на неизвестном и варварском языке. Именно на неизвестном и варварском, потому что назвать этот язык русским мог бы только жесточайший враг наш"¹.

Заметно усилилась тяга к "высокому стилю", некоей торжественности и официальности, не соответствующей ситуации высказывания. Вместо нейтрального работать говорят трудиться, вместо приехать — прибыть, вместо начать — приступить, вместо закончить — завершить, вместо дать — вручить, вместо подарить — преподнести, вместо свадьба — бракосочетание, вместо муж, жена — супруг, супруга, вместо думать — мыслить, вместо дела — свершение и т.д. Раздражает манерность речи, всякие задумки, веселинки, живинки... Сюда же отнесем упоминавшиеся актерские жаргонизмы типа волнительный, наив, интим и пр.

С поветрием можно сравнить пристрастие к уменьшительным формам: конфеточка, слобочка, билетик, копеечка, колбаска, бутербродик и т.д. С недавнего времени почему-то застеснялись говорить и писать яйца и выражаются деликатно: яички или яйцо (только в единственном числе!). В какой-то мере источником и носителем такого стиля явилась сфера обслуживания. Официант, желая угодить клиенту, предлагает "бутылочку коньячку, селедочку с лучком". Ну как не вспомнить знаменитые слова Осипа из гоголевского "Ревизора": "Галантерейное, черт возьми, обращение". В разговоре с маленькими детьми мы, естественно, употребляем уменьшительные формы слов, обозначающих части детского тела, предметы детского обихода: ручка, ножка, ботиночки, стульчик. Но взрослый человек проявляет дурной вкус, когда применительно к себе говорит: "Головка болит", "Сердечко пошаливает", "Пальчик нарывает". Да и в разговоре о детях не нужно впадать в сюсюканье. К чему, например, говорить детский садик, ясельки, два годика?

До сих пор в нормативном и стилистическом аспектах шла речь в основном о русских словах. Что касается иностранных слов, то отношение к ним бывает разное: нарочитая приверженность, бездумное употребление и принципиальное отрицание. Многие (даже филологи) не

¹ Паустовский К.Г. Живое и мертвое слово. Известия от 10 декабря 1960 г.

понимают, что статья В.И. Ленина "Об очистке русского языка" направлена не против иностранных слов как таковых, а против их неправильного понимания и употребления, а также против злоупотребления ими. Примем во внимание то, что ленинская статья написана в 1919 году, а впервые напечатана в 1924 году. В начале 20-х годов при низком уровне грамотности и образования у многих проявлялось наивное пристрастие к иностранным словам без понимания их смысла. Интеллигентны-выходцы из буржуазно-дворянских слоев продолжали щеголять иностранными, в основном французскими словечками. Ленин же настойчиво внедрял в речевой обиход широких и в то время малообразованных масс международную политическую терминологию, но, учитывая обстановку, поступал демократично: сопровождал иностранные слова дословными переводами на русский язык: "демократия"—"народовластье", "марионетка"—"кукла" и т.п.

Иностранные слова в принципе обогащают русский язык, органически входят в его ткань, подчиняясь его произносительным и грамматическим нормам. Часто люди выражают удивление и даже недоверие, когда узнают, что постоянно употребляемые ими слова нерусские по своему происхождению. В самом деле, все названия месяцев латинские, собственные имена в подавляющем большинстве греческие (Андрей, Алексей, Александр), латинские (Виктор, Валентин, Максим, Наталья), еврейские (Иван, Мария, Анна, Михаил). Употребление иностранных слов вовсе не препятствует пониманию. Михаил Кольцов привел удачный пример: "Вы скажете: "Буржуазия спекулирует фабричными продуктами". Поймет ли вас рабочий? Да, поймет. Хотя вся эта фраза и состоит из иностранных слов. Возьмем теперь такую фразу: "Выявление естественных потребностей обобщественного хозяйства". Поймет ли эту фразу рабочий? Нет, не поймет! А в этой фразе нет ни одного иностранного слова"¹. Значит, дело не в самих словах, но в степени их обрусения, а также в стиле выражения.

Еще в пушкинские времена пресловутые "шишковисты" ополчались против иностранных слов, предлагая, например, заменить "галюши" "мокроступами". В наше время подобной консервативной ориентации придерживается писатель А.К. Югов ("Судьбы родного слова"). Ему вторит ярославский писатель К.Ф. Яковлев, который в книге "Как мы порти́м русский язык" (1976) возражает против таких слов, как интимный, интригующий, потенция, компенсация, плантация и др. Что ж, попробуем стать на точку зрения консерваторов (кстати сказать, безнадежно путающих понятия язык и речь) и попытаемся дать дословный пере-

¹ К о л ь ц о в М.Е. Писатель в газете. М., 1961, с. 82.

вод-кальку иностранных слов. В таком случае социализм превратится в "сообщество", рабочий класс – в "рабочий разряд", пролетарий – в "человека, имеющего только детей", имя Иван – в словосочетание "бог милует", февраль – в "месяц очистительной жертвы" и т.п. Нелепость подобных потуг не требует опровержения.

Иностранные слова, как, впрочем, и всякие слова, требуют правильного произношения. Нельзя вставлять и в словах инцидент, констатировать, компрометировать, дерматин; смягчать з в окончании -изм (коммунизм, социализм) и вообще коверкать слова: ансамблея вместо ассамблея, пристконсульт вместо присконсульт. Далее, чтобы употреблять нерусские слова, нужно понимать их значение, а то путают анналы с аммоналами, центр с эпицентром, дилемму с проблемой, факт с фактором.

При современном развитии техники и разных наук, их дифференциации и интеграции, при возрастающем потоке информации неизбежно и необходимо употребление международной специальной терминологии, греко-латинской в своей основе. Блоки и суперблоки терминов существенно уплотняют информацию и оказывают услугу нашему мышлению. Белинский советовал: "Из двух сходных слов, иностранного и русского, лучшее есть то, которое вернее отражает понятие"¹. Однако Белинский же справедливо замечал: "Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, – значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус"². Именно отсутствие здравого смысла и вкуса, а, кроме того, и чувства национального достоинства проявляется в нынешней моде на англазированную речь с ее лэйбом, кайфом, шузами, поке-тами на боксайте, трузерами, найсовыми или файновыми, фуловыми вещами, герлами, фэйсами и т.д. Прав Л.И.Скворцов, обращая наше внимание на то, что "через грампластинки (их называют "пласты" или "диски"), через модные вещи – куртки и джинсы (их в целом называют "фирма"), через вестерны, кинобоевики и т.п., сами того не осознавая, молодые люди устремляются к буржуазному быту... Этот жаргон "фирмовых" мальчиков и девочек выплескивается на улицу, проникает в речь наших школьников, молодежи, коверкает их язык, не дает подчас увидеть величие выразительных средств, присущих русскому языку"³

¹ Б е л и н с к и й В.Г. Полн. собр. соч., т. 9, М., 1955, с. 61.

² Б е л и н с к и й В.Г. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, с. 358.

³ С к в о р ц о в Л.И. Культура языка – достояние социалистической культуры. М., 1981, с. 94.

Вот с чем надо бороться, а не с давным-давно обрусевшими иностранными словами повседневного обихода и специальными терминами.

Л и т е р а т у р а

Б е л ь ч и к о в Ю.А., К о х т е в Н.Н. Лектору о слове. М., 1973.

Г а л ь Н.Я. Слово живое и мертвое. М., 1979.

Д а н и л е н к о В.П. Русская терминология. М., 1977.

К а н д е л а к и Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.

Новые слова и значения... Словарь-справочник, под редакцией Н.З.Котеловой и Ю.С.Сорокина. М., 1973.

К о т е л о в а Н.З. Новое в русской лексике. М., 1980, 1981.

К р ы с и н Л.П. Жизнь слова. М., 1980.

Л и с т р о в а З.Н., С к в о р ц о в Л.И., Д е р я г и н В.Я. Беседы о русском слове. М., 1978.

О д и н ц о в В.В. Стилистический анализ публичного выступления. М., 1973.

О ж е г о в С.И. Словарь русского языка. М., 1972.

Проблемы языка науки и техники. Сборник под ред. С.Г.Бархударова. М., 1970.

Р о з е н т а л ь Д.Э. А как лучше сказать? М., 1980.

Словарь иностранных слов. Изд. 7-е. М., 1979.

Терминология и культура речи. Сборник под ред. Л.И.Скворцова и Т.С.Коготковой. М., 1981.

У с п е н с к и й Л. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л., 1963.

Возвращаясь к стихии родного языка, коснемся еще одного аспекта стилистики – лексической совместимости, или сочетаемости. Выразить ее в каких-то универсальных правилах и рекомендациях не представляется возможным. Наверное, только глубокое знание языка, ощущение всех его тонкостей, начитанность подскажут человеку, что совместимо. Например, можно сказать "крупное яблоко", но нельзя – "крупный стол". Слово крайний сочетается с отрицательными понятиями: "крайняя грубость" (но не "крайняя вежливость"). То же мы наблюдаем при предлоге из-за: "Из-за дождя мы не пошли гулять"; но нельзя выразиться так: "Из-за мужества наши солдаты одержали победу". Вот что пишет В.Солоухин: "Нельзя к цветку в виде дополнения подвесить шуруп. Нельзя к нитке жемчуга на женской шее присоединить в виде подвески канцелярские скрепки. Нельзя к слову "дворец" при-

соединить "бракосочетаний". Объяснить, почему всего этого нельзя делать, тоже нельзя. Все сводится теперь к языковому слуху, к чувству языка, к уровню грамотности, образованности, культуры¹.

Мы подошли к устойчивым словосочетаниям — фразеологизмам. Они не поддаются расщеплению, в них нельзя один компонент заменить другим или вставить новое слово. Так, есть два фразеологизма: "принести пользу" и "сослужить службу", и будет грубой ошибкой сказать "сослужить пользу" или "принести службу". Таким же постоянством обладают словосочетания "заострить внимание на чем" и "обратить внимание на что", "вопрос заключается в чем" и "речь идет о чем"; "играть роль" и "иметь значение" (а как часто приходится слышать: "играет значение!"), в "недавнем (а не в "недалеком") прошлом", "началась (а не "наступила") война", "скажу позже" (а не "ниже"), "заполнить (а не "дополнить") пробелы".

Очень полезен "Фразеологический словарь русского языка" под редакцией А.И.Молоткова (М., 1967). Ко всякому словарю хорошо бы обращаться не только в минуту сомнения или для справки; его полезно время от времени читать как увлекательную книгу. Какие неожиданные богатства и красоты родного языка откроются читателю!

К фразеологизмам близки пословично-поговорочные выражения. В отличие от поговорки (типа "в тесноте, да не в обиде") пословица имеет два смысла: буквальный и иносказательный, часто с оттенком наставительности, например: "волков бояться — в лес не ходить". Многие пословицы и поговорки составляют как бы сгусток народного опыта, народной мудрости. В.И.Ленин обращал внимание на то, что "бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений"²: "насиленно мил не будешь, волков бояться — в лес не ходить, не так страшен черт, как его малюют". Как известно, В.И.Ленин нередко прибегал к крылатым выражениям, но проявлял большую осмотрительность в их отборе. Недаром он употребил осторожное "бывают", а не категорически признал ценность всех без исключения крылатых слов.

Некоторые пословицы и поговорки, родившиеся в очень отдаленную от нас эпоху, в социальных кругах с консервативным миропониманием, выражают неприемлемые для нас взгляды; кроме того, они не учитывают многогранности и противоречивости нашего бытия, вырывают и абсолютизируют какую-либо сторону жизни. Но эти выражения образ-

¹ С о л о у х и н В.А. Океан родной речи. Литературная газета от 3 ноября 1971 г.

² Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 138.

ны, лаконичны, ритмичны, часто составлены в рифму, хорошо запоминаются. Нам подчас кажется, что суть иного дела не нуждается в разъяснении, коль скоро мы прибегли к помощи пословицы.

Универсализация, вневременной и надсоциальный подход опасны и при обращении к литературным образам и сюжетам.

Рекомендуется избегать часто встречающихся в литературе и в устных выступлениях proverbialных выражений и художественных образов. Навязчиво звучат штампованные определения, обычно прилагаемые ко всем известным писателям и их произведениям, например: "Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин в своем замечательном романе "Евгений Онегин"...". Достаточно будет напомнить кратко: в "Евгении Онегине"... или "поэт сказал"...

Пусть литературные примеры не подавляют основного содержания лекции или выступления. Что же касается пословиц и поговорок, то злоупотребление ими приводит к дешевому, псевдонародному балагурству.

Остается посоветовать уважаемым коллегам познакомиться с интересной книгой Н.С.Ашукина и М.Г.Ашукиной "Крылатые слова" (М., 1955).

ПРИЕМЫ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

Так называемые "цветы красноречия", различные чисто ораторские приемы, скрупулезно разбирались в старых руководствах по риторике и занимали главное место в лекциях по речевому мастерству. Однако эти приемы, в конце концов, связаны с талантом художественного видения мира, с даром слова и не поддаются искусственному программированию. Поучительно сравнить предварительные наброски ленинских речей со стенограммами этих же речей, уже произнесенных. Мы убедимся, что великий мыслитель и оратор никогда заранее не планировал риторических оборотов: они появлялись у него экспромтом при произнесении речи, потому что В.И.Ленин, помимо всего, был и художником слова. Рядовой лектор пусть не огорчается, если ему на ум не придут ни образные эпитеты ни впечатляющие метафоры. В его практике отнюдь не это главное. Однако иметь представление об ораторских приемах полезно не только для их возможного употребления в лекционной работе, но и для аналитического слушания выступления коллег и учеников, для более тонкого восприятия художественной литературы.

Стилистические приемы выразительности, выработанные в античной риторике, сводятся в основном к фигурам и тропам.

Фигурами называются речевые обороты, которые выходят за рамки практически необходимых построений и служат усилению выразительности.

и а ф о р а (дословно "вынесение вверх") – это повторение одних и тех же слов в начале предложений или отрывков речи. Яркий пример анафоры мы находим в заключительной речи Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе 16 декабря 1933 года: "Я защищаю себя самого как обвиняемый коммунист. Я защищаю свою собственную коммунистическую честь. Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения. Я защищаю смысл и содержание своей жизни". Анафоре соответствует **э п и ф о р а**, повторение слов в конце, что встречается чаще в поэтической речи, например, у В.Брюсова: "Струится нетихнущий дождь, томительный дождь".

Б е с с о в з и е (асиндетон) придает речи компактность, упругость. Противоположный ему прием **и н о г о с о в з и е** (полисиндетон) отнюдь не делает речь рыхлой, его назначение – подчеркнуть роль каждого из однородных членов и их связь между собой. Если союз и поставлен перед последним однородным членом, создается представление о замкнутости, исчерпанности. Бывает попарное соединение однородных членов союзом. Итак, могут быть такие варианты конструкций: 1) студенты читают книги, брошюры, газеты, журналы; 2) студенты читают и книги, и брошюры, и газеты, и журналы; 3) студенты читают книги, брошюры, газеты и журналы; 4) студенты читают книги и брошюры, газеты и журналы.

Если в ряду однородных членов предложения постепенно усиливается (или ослабляется) смысловое или эмоциональное значение, то это – **г р а д а ц и я**. Например: "Не сломишься, не дрогну, не устану" (О.Берггольц), "Я прошу, настаиваю, требую".

Уже говорилось о том, какое однообразие получается от неизменного следования прямому порядку слов. С целью выделения того или иного члена предложения применяется **и н в е р с и я**, обратный порядок слов, например: "В сентябре откроется выставка картин молодых художников".

Психологическая пауза, о которой раньше шла речь, обычно связана со стилистической фигурой **у м о л ч а н и я**. Мысль выражается не до конца, и слушателю (или читателю) предоставляется возможность мысленно досказать ее. Вспомним строки Маяковского:

К любим чертям с матерями катись,
Любая бумажка. Но эту...

В бытовой, научной и художественной речи распространен **э л л и п с и с**, пропуск во фразе какого-либо слова, легко подразумеваемого на основании контекста или ситуации. Например: "Человек человеку (есть) друг, товарищ и брат". Эллиптическое построение

фразе придают междометия или частицы, и вся фраза, особенно ответная, может быть сведена к ним: "Вы летом остались в городе?" – "Увы!" "Какая вода сегодня в море?" – "Брр!"

Во все времена в ораторском искусстве излюбленным приемом было резкое противопоставление понятий – а н т и т е з а. Так, в страстной напутственной речи агитаторам, отправляющимся для работы в провинцию, в апреле 1918 года В.Володарский, отражая враждебные наскоки буржуазной прессы, восклицал: "Россия помещичья, буржуазная Россия, царская Россия, соглашательская Россия умерла... Но наша Россия, Россия советская, трудовая, рабочая, крестьянская, не только не умерла, но... имеет полную возможность подняться". Один из членов противопоставления может не называться, но легко подразумеваться: "Путь к знаниям – не гладкая, столбовая дорога".

К речевым фигурам обычно относят р и т о р и ч е с к и е в о п р о с ы и в о с к л и ц а н и я. И то и другое мы встречаем в первой речи Цицерона против Катилины. Речь его начинается с вопросов, естественно, не предполагающих конкретных ответов: "Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Сколь долго твоя ярость будет нас преследовать?..." Затем оратор патетически восклицает: "О времена, о нравы!"

Есть и другие стилистические фигуры, но они применяются преимущественно в поэтической речи.

Троп (в переводе с греческого "поворот") – употребление слова или выражения в переносном значении.

Наиболее распространенный троп – м е т а ф о р а (дословно "перенос"), перенесение признака с одного предмета на другой на основании сходства, например: "стальные нервы", "тоска давит грудь".

Когда одно название предмета заменяется другим в силу внутренней или внешней связи, мы имеем дело с м е т о н и м и е й (дословно: "переименованием"); вспомним пушкинское: "Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал" (имена писателей вместо названий их сочинений). Разновидностью метонимии является с и н е к д о х а ("соотнесение") – название части вместо целого, множественного числа вместо единственного, родового понятия вместо видового, например: "Москва" вместо "Россия", "человек" вместо "люди", "светило" вместо "солнце". Близка к этому тропу п а р а ф р а з а (дословно "описание"), суть которой в замене названия предмета, лица или явления описанием их характерных черт или признаков: "страна развитого социализма" вместо "Советский Союз", "автор Тихого Дона" вместо "Шолохов", "город на Неве" вместо "Ленинград", "ваш покорный слуга" вместо "я".

Троп представляет собой в принципе двухчастное построение, простейшим видом которого является с р а в н е н и е. Этот прием настолько понятен, что не требует объяснений. Подчеркнем, что сравнение выражается не только оборотами со сравнительными союзами (как, словно, точно) но и творительным падежом, например, "пыль столбом".

Один троп своими корнями уходит в анималистические представления древнего человека, это о л и ц е т в о р е н и е, т.е. приписывание неодушевленным предметам и отвлеченным понятиям признаков и свойств живых существ, например: "Кризис наступает на пятки". С олицетворением смежна п е р с о н и ф и к а ц и я, перенесение на предметы и понятия человеческих свойств. Так, Цицерон для эффекта ввел в свою речь образ матери-родины, которая будто бы обращается непосредственно к Катилине со словами укора.

Если что-либо неприятное, грубое, страшное, неприличное все же приходится как-то назвать, прибегают к э в ф э м и з м у - смягченному выражению, например: "я не то хотел сказать" вместо "я ошибся", "туалет" вместо "уборная" и т.д.

Хотя на г и п е р б о л у - чрезмерное преувеличение (или преуменьшение) мы со школьных лет привыкли смотреть как на художественный прием, свойственный прежде всего героическому эпосу, в повседневной речи мы, сами того не замечая, постоянно пользуемся этим тропом: "Сто раз я тебе говорил", "Вечно ты ошибаешься" и т.п.

Своеобразен троп о к с м о р о н (дословно "остро-глупое")-имеющее переносный смысл сочетание взаимоисключающих понятий: "красноречивое молчание", "тише едешь - дальше будешь" и т.п. Возможно, некоторые удивятся, узнав, что к тропам причисляется и то, что столь привычно для нас в обыденной речи, - и р о н и я. Суть этого тропа - употребление слова или выражения не в буквальном смысле, а в подразумеваемом противоположном с целью осмеяния. Так, Цицерон, характеризуя сообщников Катилины, иронически воскликнул: "Зато каких героев он оставил! С какими долгами, с какими связями, с какими блестящими именами!" Конечно, словесное выражение здесь дополняется соответствующей иронической интонацией и даже жестом.

Простейший из тропов - э п и т е т (в переводе "приложение"). Обычно это прилагательное в роли образного определения: "прожорливое пламя", "седая старина" и т.п. Именно метафоричность эпитета отличает его от предметных и логических определений типа "белый снег". Как эпитет можно рассматривать и существительные-приложения, если они обозначают качества мыслимые, перенесенные (типа "Мороз Красный нос"). Особую группу составляют распространенные в фольклорных жанрах постоянные эпитеты типа "чистое поле", "солнце крас-

ное". Уже говорилось о желательности избегать штампованных эпитетов. Остается предостеречь от злоупотребления эпитетами вообще. А.Н.Толстой предупреждал: "Эпитет надо употреблять с большим страхом, только тогда, когда он нужен, когда без него нельзя обойтись, когда он дает какую-то интенсивность слову, когда верное слово настолько заезжено или настолько общё, что нужно подчеркнуть его эпитетом". А Михаил Кольцов комически взывал: "Пожалейте человека, прежде чем награждать его двумя эпитетами!"

Пожалуй, эти предупреждения стоит отнести вообще к использованию фигур и тропов, так как перенасыщение ими делает речь искусственной, манерной; кроме того, излишняя образность может мешать передаче и восприятию основной информации и главных идей.

Л и т е р а т у р а

Г о р б а ч е в и ч К.С., Х а б л о Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. М., 1979.

К в я т к о в с к и й А.П. Поэтический словарь. М., 1966.

Р о з е н т а л ь Д.Э., Т е л е н к о в а М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Ч и х а ч е в В.П. Образные представления в речи лектора. Л., 1972.

ИСКУССТВО ПОЛЕМИКИ

В данной работе не будут подвергаться специальному анализу логические основы лекционного мастерства: структура доказательства, способы аргументации (дедукция, индукция, аналогия), виды определения понятий, логические ошибки, логический план построения лекции. Общие принципы использования логики в лекционной практике изложены в рекомендуемой литературе; конкретное применение логических приемов в лекции зависит непосредственно от ее темы. Поэтому представляется целесообразным, рассматривая искусство полемики, коснуться некоторых вопросов логики. Разумеется, окажется много общего и в полемике как таковой и в лекции, если она заключает в себе полемическое начало, если она, иными словами, проблемна.

Попутно заметим, что прав был Г.З.Апресян, когда в одном из своих выступлений высказал такую мысль: "Не следует в любой лекции стремиться к проблемности, не стоит всякую лекцию, безотносительно к ее целевой установке, приспособлять к какой-либо проблемной ситуации". Далее он замечает: "Нам нужны всякие по жанру, но всегда

содержательные и интересные по форме лекции". Справедливо обращает внимание Г.З.Апресян на объективный характер проблемности и опровергает "ошибочное мнение о том, что проблемная ситуация — всецело во власти лектора: захотел — вызвал проблемную ситуацию, не захотел — никакой проблемности в лекции не будет"¹. Однако, как заключает докладчик, именно в проблемных лекциях особенно явственно и сильно мировоззренческое, методологическое начало, именно в них "бьется поисковая мысль".

Если полемичность положительна в лекции, то тем более важна полемика по существу. "Без прений, споров и борьбы мнений никакое движение... невозможно"², — писал В.И. Ленин.

Пolemика пронизывает всестороннее обсуждение внутривполитических, экономических, идеологических вопросов в нашей стране, диалоги о мире и сотрудничестве государств с различным общественным и политическим строем, разоблачение агрессивности империализма и лжи буржуазной пропаганды, борьбу с антиобщественными явлениями. Без полемики немислимо развитие научной теории и практики. "Важно, — указывал Л.И.Брежнев, — чтобы в каждом научном коллективе существовали подлинно творческая обстановка, атмосфера смелого поиска, плодотворных дискуссий, товарищеской взыскательности"³.

Наконец, полемика полезна для формирования характера человека, выработки бойцовских качеств, умения отстаивать свои взгляды.

Полемике можно понимать в широком смысле как столкновение мнений. В таком случае низшим видом ее окажется спор, в котором главной пружиной служит чисто субъективная убежденность каждой из сторон в своей правоте. Своего рода совместным творчеством выступает дискуссия, цель которой — установление или проверка истинности каждой точки зрения. Особенно уместны дискуссии на семинарах. Poleмика в узком смысле — это борьба принципиально противоречащих, обычно непримиримых взглядов. К полемике в широком смысле относятся диспуты, прения. Диспуты готовятся заранее, прения возникают экспромтом после доклада (если только он не был заранее известен в письменном виде). Вопросы, которые задаются лектору, могут не только относиться к информативной стороне лекции, но и выражать несогласие с лек-

¹ Психолого-педагогические и логические проблемы лекционной пропаганды. Материалы для обсуждения на Всесоюзной научно-методической конференции. М., 1977, с. 8-9.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 166.

³ Брежнев Л.И. Ленинским курсом, т. 3. 1974, с. 292.

тором в чем-нибудь. Подобное несогласие иногда выражается и в виде реплики. Реагировать на реплику стоит лишь тогда, когда на ум пришел мгновенный разящий ответ; в противном случае реплику лучше оставить без внимания.

Вести полемику непосредственно с политическим врагом преподавателя вуза, естественно, не приходится. Но враг может быть представлен не личностью, а враждебными идеями, поселившимися в голове малоустойчивого человека, это — национализм, космополитизм, извращенное понимание свободы личности, меркантильное отношение к жизни и т.п. И крайне важно быть в состоянии нести правду людям "убежденно, убедительно, доходчиво и ярко"¹.

Полемика не должна быть самоцелью — спором ради спора. Далеко не всегда необходимо принимать навязываемый нам спор, особенно если он готов разразиться из-за мелочей и грозит отвлечь внимание от вопросов первостепенной важности или если какому-то безпринципному заядлому спорщику не терпится ради "самовыражения" (точнее — саморекламы) использовать спор как трибуну. Вспомним, что большевики сознательно отводили от себя навязываемые политическими крикунами-оппортунистами споры по малозначительным вопросам.

В главе о лексико-фразеологической стилистике мы обращали внимание на ограниченность многих крылатых выражений. К ним принадлежит и изречение "В споре рождается истина". Истина в любом споре механически, сама собой не рождается. Ведь спорящие могут не обладать достаточной эрудицией, стоять на неправильных идейно-теоретических позициях, допускать логические ошибки в доказательстве и опровержении. Иная истина бывает трудно уловимой, и над постижением ее бьются целые поколения.

Однако достижение истины или ее проверка — естественная цель полемики.

Исторические корни искусства полемики, как и красноречия вообще, уходят в античную цивилизацию. Мастерство спора, так называемая "эристика", в наиболее классическом виде оформилось у философов У века до н.э. — софистов, выдвинувших учение о всеобщей относительности, о том, что о каждом явлении можно высказать два противоположных мнения, что человек есть мера всех вещей. Знаменитый вопросно-ответный сократический метод имел два проявления: "ирония" — заведение противника в логический тупик, и "майезтику" (дословно "искусство повивальной бабки") — помощь рождению правильной мысли. Аристотель рассматривал вопросы полемики в связи с риторикой, логикой, эстетикой и диалектикой.

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. с. 91-92.

После средневековья с его схоластическими словопрениями в эпоху Возрождения снова появилось полнокровное, непосредственно связанное с острыми жизненными проблемами искусство спора.

Попытки обобщить теоретические основы и практические приемы полемики предпринимались и в новое время. В 1820 году вышла в свет книга А.Шопенгауэра "Эристика, или искусство спорить". Подоплекой рассуждений и рекомендаций автора были его идеалистические, волюнтаристические взгляды. Считая, что в борьбе все средства хороши, Шопенгауэр перечисляет около четырех десятков уловок, среди которых есть, например, такие, как сбивание с толку бессмысленным набором слов, возбуждение гнева придираками и т.п.

С появлением в определенную историческую эпоху марксизма-ленинизма неизмеримо возросла роль полемики, в которой осознавалась и овладевала умами теория научного коммунизма, ибо "...нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически..."¹ - писал В.И. Ленин. О полемическом мастерстве Ленина и большевиков-ораторов ленинской школы (А.В.Луначарского, М.И.Калинина, С.М.Кирова и других) написано немало серьезных работ, и походя затрагивать столь ответственную тему в кратком пособии просто недопустимо.

Охарактеризуем полемику как специфический вид речевой коммуникации.

В то время как лекцию слушает коллектив, полемику ведут обычно несколько человек или даже двое, и адресат ее более индивидуализирован. Лекция - это монолог с высоты кафедры, полемика - это диалог "на равных". Лектор, в зависимости от опыта, - хозяин своего рабочего времени, отрезки которого он отводит изложению определенных доз материала. В полемике фактор времени приобретает особую остроту: нужно быстро реагировать на слова оппонента и излагать свои доводы предельно кратко. К лекции преподаватель готовится заранее; полемика, если это не запланированный диспут, насквозь импровизационна. Poleмику характеризует особый эмоциональный накал, вызванный стремлением доказать свою правоту и ошибочность позиции противника. Лектор обычно пользуется конспектом; роль записей при споре сводится к минимуму.

Каковы условия продуктивности полемики?

Одно из основных требований В.И.Ленина к полемике - это определенность предмета спора и исходных позиций. "Полемизируйте, - говорил он, - как угодно резко, только говорите ясно, чего вы хотите"².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 66.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 189.

"Полемика, — указывал Владимир Ильич, — только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, насколько они глубоки, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах..."¹.

Если противник недостаточно ясно изложил свою позицию, полезно будет попытаться своими словами сформулировать его мысль и осведомиться, правильно ли она понята. Ведь случается, что в споре противники забывают, из-за чего он начался. Бывает, что разногласия возникают не из-за исходных точек зрения, а из-за способов доказательства. Часто путают понятия "спорный вопрос" и "нерешенный вопрос". Первый вызывает полемику как таковую, второй требует длительного, спокойного обсуждения.

Братся за полемику допустимо только при основательном знании ее объекта. При современном информационном взрыве, при обилии средств массовой информации важно учитывать не только свои знания, но и эрудицию оппонента. Важность идейного и теоретического уровня полемики вряд ли требует доказательств. Не исключено, что оппонент на протяжении жизни выносил в себе определенные взгляды и что они на проверку окажутся правильными, верными. Нельзя бездоказательно отрицать чужую точку зрения только потому, что она не твоя. Как это ни трудно, но придется признать правоту противника и прекратить полемику, уже потерявшую всякий смысл.

Истина требует не декларирования, а логического доказательства. Не делая, как мы уговорились, пространных экскурсов в логику, выскажем на основании опыта и наблюдений соображения о применении различных способов аргументации.

При споре с малоподготовленным человеком, пожалуй, уместна индукция: идя от частного к общему, приводя яркие, доходчивые примеры, мы подводим собеседника к определенному выводу. Споря с человеком более эрудированным, целесообразно прибегнуть к дедукции, т.е. сначала выставить тезис, а затем на убедительных примерах доказывать его истинность. Впрочем, как заметил Ф.Энгельс, "индукция и дедукция связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ..."². Есть и третий способ доказательства, причем отличающийся особой наглядностью. Это — аналогия.

Конечно, наиболее веский аргумент — факт. Однако В.И. Ленин предостерегал: "Фактики, если они берутся вне целого, вне связи ...являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже... необ-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 215.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 542.

ходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов..."¹. К вырыванию из общей связи и абсолютизированию мелких фактов обычно прибегает враждебная социализму буржуазная пропаганда.

В древности говорили: "Аргументы не перечисляются, а взвешиваются". Действительно, важно не количество доказательств, а их весомость и уместность. Сразу же нужно отводить в сторону доводы, не относящиеся к сути дела.

Результативность полемики зависит и от психологических и этических факторов. На первом плане здесь стоит умение слушать, которое мы все ценим и в повседневной жизни, когда хотим поделиться радостями или горестями с близкими людьми. Не слушать оппонента, во-первых, невежливо, а, во-вторых, опасно: не вникнешь в его аргументацию и не сумеешь ответить по существу.

В полемике мы подчас срываемся в грубость, которая сама по себе, конечно, ничего не доказывает. Прав был Энгельс, когда писал о смехе как о действенном оружии: "...одни лишь крепкие выражения не всегда придают достаточную силу языку и при постоянном повторении одних и тех же выражений, вроде негодовий и т.п., их эффект слабеет, ...желательно было бы прибегнуть к другому средству, которое обеспечило бы силу и выразительность и без крепких слов. И такое средство существует: оно заключается в преимущественном использовании иронии, насмешки, сарказма, которые уязвляют противника больше, чем самые грубые слова возмущения".² Мы часто не различаем оттенков насмешки. К наивному заблуждению или к недопониманию стоит подойти с чувством омера. По отношению к ошибке серьезной уместна ирония. Сарказм же прибережем для борьбы с идейным врагом. При любом полемическом накале нас не должны покидать самообладание и такт, умение соразмерять силу нападения с объектом "атаки": смешно палить из пушек по воробьям. Полезно бывает время от времени взглянуть на спор как бы со стороны, чтобы подавить неоправданное раздражение, из-за которого подвергаются опасности такие жизненные ценности, как уважение, расположение, дружба.

Наверное, каждому приходилось попадать в ситуацию затруднения невозможность ответить на задаваемый слушателем вопрос: то ли вопрос сложен, то ли память подвела. Ни в коем случае нельзя сказать в ответ первое, что пришло на ум. Главное — не растеряться и, глядя в глаза спрашивающему, спокойно и прямо сказать, что отве-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 283-284.

тить в данный момент вы не можете. Умный человек прямо и честно не осудит. Полезно будет подсказать слушателю, где — в каком справочнике, у какого специалиста — он может найти ответ на интересующий его вопрос. Если же лектор обещал ответить на следующей встрече, то нужно сделать все от себя зависящее, чтобы это обещание выполнить.

Часто считают, что обилие вопросов говорит о высоком качестве лекции. Ошибочный критерий! Во-первых, опытный лектор может в лекции предусмотреть часто встречающиеся вопросы, а, во-вторых, большое количество вопросов может быть вызвано недостатками лекции: спорностью или неправильностью теоретических положений и рекомендаций, неясностью формулировок, непоследовательностью и т.д.

Особая выдержка требуется от лектора, если он убедится в собственной неправоте. Как важно в таком случае не выйти из себя, не впасть в подавленность! Если предмет спора непринципиальный, пустяковый, можно все обратить в шутку, только бы она не выглядела наигранной, вымученной. Не будем забывать основной цели в ответах на вопросы и в полемике — достижения истины (не правдоподобия!). Этому ничто не должно мешать.

Уже упоминались рекомендуемые Шопенгауэром и неприемлемые для нас способы ведения полемики. Остановимся однако на том нежелательном и просто недопустимом, что еще, к сожалению, встречается при столкновении различных мнений.

Сводит на нет результативность спора подмена тезиса. Так, вопрос о гносеологических корнях религии нередко в атеистической пропаганде подменяют вопросом о моральном облике духовенства или вместо оценки того или иного поступка с точки зрения нашего морального кодекса пытаются все свести к чисто юридическим нормам.

В отношении к авторитетам существуют две крайности: незрелое, мы бы сказали, мальчишеское отрицание всяких авторитетов или злоупотребление ссылками на них, что обычно прикрывает отсутствие самостоятельного суждения.

Иной человек, стоящий на правильных позициях, пасует перед тем, у кого взгляды поверхностные и даже неправильные, но зато много апломба, позирования дешевым скептицизмом и нигилизмом. Несостоятельность обычно прячется под громкими общими фразами, и ничто так действительно не обнаруживает ее, как конкретизация. "Всем известно", — слышим мы и на это безапелляционное утверждениеотреагируем вопросом: "А кому именно известно? Назовите фамилии!" "Кто станет отрицать?" — скажут нам, а мы в ответ: "Во-первых, мы отрицаем это, а, во-вторых, наше отрицательное суждение разделяют такие-то лица" и т.д.

Некоторые позволяют себе в споре спекулировать на возрасте, образовании, служебном положении. Пожилой человек в споре с наивно самоуверенным студентом может сорваться и давать отповедь в таком духе: "Вам 20 лет, а мне 60; как Вы смеете мне возражать?" или "Я — профессор, а Вы студент; какое право Вы имеете спорить со мной?" Конечно, по здравому смыслу, пожилой человек, высокообразованный да к тому же занимающий ответственный пост, призван быть более опытным в жизни и работе, глубже вникать в суть дела. Но, во-первых, встречаются отклонения от этой нормы, и, во-вторых, правильно мыслить вполне может человек молодой, малообразованный, занимающий рядовую должность. Было бы правильнее, если бы пожилой профессор уважительным тоном сказал своему юному собеседнику примерно следующее: "Я втрое больше лет, чем Вы, прожил на свете; немало думал над тем, что Вас теперь волнует; беседовал со специалистами и читал соответствующие труды; кроме того, мое служебное положение дает мне доступ к дополнительной информации. На основании всего этого у меня выработалось именно такое мнение. Подумайте, молодой человек, еще раз над интересующей Вас проблемой, и, может быть, Вы, в конце концов, согласитесь со мной". Отношения "отцов" и "детей" в нашей стране не составляет социальной проблемы; тем не менее, не теряют актуальности ленинские слова: "Нередко бывает, что...поколения пожилых и старых не умеют подойти, как следует, к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы"¹.

Отвлечемся на время от вузовского обихода и, поскольку преподавателю высшей школы приходится иметь дело не только со студентами, расскажем вкратце о некоторых дешевых уловках, с которыми встречаешься в полемике.

Иные прибегают к "подмасливанью" противника лжеcomplimentами или привлечением его в мнимые союзники: "Вы же, как умный человек, не станете отрицать..." или "мы-то с Вами все прекрасно понимаем, не то, что разные там профаны". Иногда, при отсутствии веских доводов, делают безответственные намеки на какие-то "тайные" мотивы, якобы движущие противной стороной: "Вы это говорите неискренно или из чувства зависти или из боязни испортить отношения с таким-то лицом" и т.п. Необходимо, по совету В.И. Ленина, обидительно следить за тем, чтобы неизбежные споры, неизбежная борьба мнений не вырождались в перебранку, сплетни, дразги, клеветы"².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 226.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 166.

Случается, что оппоненту приписывают заведомо несостоятельные, глупые мысли. От нарочитого оглушения противника отличается логический прием доведения до абсурда: временно допускается, что опровергаемый тезис истинен; но поскольку следствие из тезиса противоречит действительности, то, значит, тезис был ложным.

В полемике недопустимо передразнивать оппонента, придирается к оговоркам, неудачным выражениям, языковым ошибкам и, исходя из них, чернить его, отодвигая таким образом суть разногласий на второй план.

Есть однако приемы, которые хотя и нежелательны, но допустимы в силу их оправданности ситуацией. Так, возражение оппоненту позволено несколько оттягивать, если по каким-либо причинам (усталости, растерянности, забывчивости) в данный момент нет сил сразу же возразить и требуется некоторое время, чтобы собраться с мыслями. Разумеется предпочтительнее бить, не медля, по главным аргументам противника; но если против них пока не нашлось веских возражений, приходится сначала опровергать второстепенные доводы, а затем, обретя силы, направить удар на основные.

Л и т е р а т у р а

А л е к с е е в М.Н. Методические и логические основы лекторского мастерства. М., 1976.

Д у д е л ь С.П. О полемическом мастерстве В.И. Ленина. М., 1973.

К и р и л л о в В.И. Принципы диалектической логики и их использование в работе над лекцией. М., 1977.

К и р с а н о в А.В. Полемика служит убеждению. М., 1980.

К о з а р ж е в с к и й А.Ч. Искусство полемики. М., 1972.

К о н д а к о в Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1976.

С о к о л о в А.Н. Проблемы научной дискуссии. Л., 1980.

С т а р ч е н к о А.А. Логические основы лекционной пропаганды. М., 1981.

Т р и о д и н В.Е. Дискуссии и диспуты. Л., 1972.

Ф е д о с е е в П.Н. и другие. Об искусстве полемики. М., 1980.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЛЕКТОРА НА АУДИТОРИЮ

Психологическая сторона деятельности лектора будет рассмотрена в практическом аспекте, так как теоретическую разработку этой проблемы можно найти в специальных трудах. Достойны упоминания в

связи с этим прежде всего работы И.А. Зимней, которая обосновывает необходимость наличия у лектора предрасположенности к своей работе (высокого уровня развития интеллекта и нервной системы, положительного эмоционального тонуса), готовности к лекторской деятельности (системности и глубины индивидуального личностного опыта, широты знаний, профессиональной ориентированности, идейной направленности), включаемости в процесс общения (умения говорить, умения владеть собой, материалом лекции, залом и временем)¹.

Поведение лектора, характер его общения с аудиторией должны органически соответствовать лектору как личности. На эту сторону речевой деятельности обращал внимание еще Белинский: "Один оратор могущественно властвует над толпой силой своего бурного вдохновения; другой – вкрадчивой грацией изложения; третий – преимущественно иронией, насмешкой, остроумием; четвертый – последовательностью и ясностью изложения и т.д."². Через много десятилетий, в совершенно иной исторической обстановке и с другими целями важность личностных качеств человека в его воздействии словом подчеркивал В.И. Ленин: "В агитации надо предоставить каждому агитатору выбирать те средства, которые имеются у него в распоряжении: один агитатор производит наибольшее впечатление благодаря своему одушевлению, другой – благодаря своему алкому сарказму, третий – благодаря умению приводить массу примеров и пр."³

А теперь задумаемся над теми психологическими проблемами, которые встанут перед лектором в зависимости от его индивидуальных качеств и ситуации.

Приходится слышать, как иной лектор с оттенком хвастовства заявляет, что перед лекцией он не волнуется. В таком случае невольно настораживаешься: а не превратился ли такой человек в заигранную пластинку? Волнение перед лекцией, как и вообще перед всяким выступлением, свидетельствует о чувстве ответственности и живом отношении к своему делу и к людям. Однако опытный лектор претворяет волнение во вдохновение, а у неопытного лектора волнение может перейти в расслабляющий страх. Как его преодолеть?

Прежде всего, необходимо быть уверенным в нужности тех знаний и идей, которые несешь людям: ведь лекция – не самоцель! Назначе-

¹ З и м н я я И.А. Психологические основы лекционной пропаганды. М., 1981, с. 25–30.

² Б е л и н с к и й В.Г. Полн. собр. соч., т. 8, М., 1955, с. 607.

³ Л е н и н В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 270–271.

ние лектора – не просто производить впечатление, а хорошо работать. А всякая работа, если она выполняется как следует, вправе рассчитывать на уважение к себе. У аудитории ведь нет беспричинного, априорного отрицательного отношения к лектору; она искренно будет ему благодарна за толковое содержание, преподнесенное в толковой форме. Полезно как бы со стороны взглянуть на себя и юмористически отнестись к своей растерянности.

Помогут прийти в себя и чисто физиологические факторы. Пусть лектор как следует выспится, слегка подкрепитсЯ едой и чаем, спокойно пройдет по свежему воздуху, глубоко и равномерно дыша и снимая мускульное напряжение. При выходе к слушателям рекомендуетсЯ быть предельно собранным, умеренным в жестах, не суетливым. Комичное впечатление производит лектор, который от волнения не сумел удержать в руках свои записи. Они разлетаются по полу, а он, несчастный, чуть ли не ползая, пытается собрать их. Часто советуют не начинать лекцию сразу, а выдержать длительную паузу, чтобы успокоиться. Но, пожалуй, чем быстрее лектор начнет выполнять свою работу, тем для него лучше: необходимость говорить громко и непрерывно и внимание со стороны слушателей, как ничто иное, помогает ему быстрее обрести форму.

Полезно заучить наизусть вводную фразу, которая формулировала бы основной тезис и позволила бы – в случае растерянности – варьировать этот тезис в течение некоторого времени. Лектор с радостью обнаружит, что аудитория, вначале страшившая его, теперь, напротив, воодушевляет.

Как мобилизовать и – что особенно важно и трудно – поддержать внимание?

В вузовской лекции, особенно если она стоит в ряду целого лекционного курса или цикла, вряд ли есть необходимость прибегать к какому-то искусственно интригующему зачину, чтобы студенты сразу стали слушать, затаив дыхание. Особенно опасно начинать в патетическом тоне. Удержаться на нем на протяжении всего выступления просто невозможно: не хватит физических сил, и станешь утомлять и раздражать слушателей. Они ведь не любят как безучастности, так и неуместного митингования. В начале лучше взять нейтральный тон; в дальнейшем – в зависимости от темы лекции и состава аудитории, – возможно, окажется целесообразным усилить экспрессивное звучание речи.

У ребенка и у взрослого разный подход к восприятию информации. Ученика младшего класса обычно не интересует, что, скажем, вслед за первым склонением будут изучаться второе и третье. Взрослому же

человеку, в данном случае студенту, хочется заранее получить представление об объеме информации; для него нет ничего несноснее бездонной бочки, куда льется информация, так что не видно ни дна ни покрышки. Поэтому если лектор считает излишним сообщать план своей лекции, то пусть хотя бы перечислит основные вопросы и проблемы. Иные лекторы забывают даже назвать тему лекции. Вступление не следует затягивать, равно как не рекомендуется задерживаться на подходах к новой части. О значении быстрого – разумеется, в разумных пределах – темпа речи уже говорилось. Однако в стремлении к краткости и сжатости неопытные лекторы допускают досадный промах: каждая фраза их речи выражает совершенно новую мысль, между тем как важные сведения и идеи полезно повторить, а некоторые имена, географические названия, сложные термины, цифры – даже записать на доске.

Специалисты считают, что приблизительно через 20 минут наступает спад внимания, вызванный утомлением. Цифра 20 – не есть нечто фатальное. Каждому из нас доводилось, не замечая времени, слушать талантливых лекторов. Однако, если преподаватель почувствовал небольшую утомленность аудитории, он может прибегнуть к краткому освежающему отступлению, которое все-таки должно находиться хотя бы в отдаленной, ассоциативной связи с основной темой и не превращаться в дешевые анекдоты или нескромные автобиографические экскурсы.

Молодые лекторы часто страдают своего рода "возрастной болезнью" – стремлением во что бы то ни стало сказать буквально все по своей теме. С годами, с опытом приходит умение отделять главное от второстепенного.

Казалось бы, не стоит распространяться о значении регламента. Но известно, что многие лекторы его не соблюдают и даже позволяют себе хвастаться этим: держу студентов столько, сколько заблагорассудится. Они считают ниже своего достоинства заранее спланировать материал и прохронометрировать его; тем самым они урывают драгоценные минуты отдыха у студентов и притупляют внимание уставших людей к следующей лекции, которую будет читать коллега лектора-эгоиста. Особенно раздражают при затягивании лекции пустые обещания: "Я кончаю, но должен лишь сказать, что ...", "еще несколько слов" (или, как иные не очень грамотно выражаются, "пару слов").

Для мобилизации и поддержания внимания необходимо знать постоянные, устойчивые, а не ситуативные интересы аудитории. Нет интереса – нет и внимания. Студенческая аудитория – не механическое скопление людей, а коллектив, подчиненный специфическим законам психологии, и трудно рассчитывать на внимание хотя бы горстки людей, если им не охвачены все собравшиеся.

Внимательно слушают речь доходчивую. Достичь доходчивости невозможно без учета состава слушателей. Студенческая аудитория в пределах курса, отделения, факультета более или менее однородна и в то же время специфична, чего иные преподаватели не принимают во внимание. Общеизвестно, что независимо от степени и звания один преподаватель наиболее успешно читает лекции первокурсникам, увлекая их доступностью и яркостью изложения, а другой с большей полнотой раскрывается в работе со старшекурсниками, располагая к себе глубиной и остротой разработки проблем, привлечением студентов к совместному мышлению. И в полемике (на что уже обращалось внимание) и при чтении лекций опасно как недооценивать аудиторию, ее возможную информированность, критическое отношение, живость восприятия, так и переоценивать ее, т.е. предполагать, как нечто само собой разумеющееся, ту же, что и у специалиста-лектора, логику рассуждений и те же ассоциации, которые порождает тема лекции. Поэтому полезно время от времени мысленно ставить себя на место слушателей и пытаться взглянуть на себя как бы со стороны.

Приходится сталкиваться с противопоставлением популярности и научности. Вспомним, что писал В.И. Ленин: "Популяризация... очень далека от вульгаризации, от популяричанья. Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные выводы из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы"¹. Одни лекторы обладают драгоценным даром говорить даже об очень сложном просто и понятно, не впадая при этом в упрощение и вульгаризацию; другие же, напротив, о простых вещах говорят с нарочитой усложненностью. Это противоречит здравому смыслу, нарушает коммуникативность и, кроме того, просто недемократично и бестактно, особенно, когда лекция читается на младших курсах. Дурной пример заразителен: студент, подражая своему наставнику, будет щеголять ученостью (а точнее — наукообразностью) речи.

Мы затронули вопросы такта. Слово "такт" очень весомо и выразительно, поскольку в переводе с латинского означает "прикосновение", в данном случае — прикосновение к человеческой душе. От тактичного отношения лектора и слушателей друг к другу, от деловой, товарищеской атмосферы во многом зависит результативность лекции.

Уже был дан совет не начинать лекцию при шуме. Призывы лектора к тишине не должны делаться раздраженным, крикливым тоном. Один лек-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 358.

тор рекомендует подчеркнутым жестом снять с руки часы и положить перед собой, давая этим понять, что дорогое время уходит. Нельзя мириться с тем, чтобы студенты лепились на "галерке", оставляя чуть ли не десяток передних рядов пустыми. Надо разъяснять студентам, что этим они проявляют неуважение к работе лектора, заставляют его неоправданно форсировать голос. Если студенты упорно не хотят пересест, лектору можно прибегнуть к неожиданному для них приему: взяв с собой записи, самому подняться к верхним рядам, вплотную к студентам и там читать лекцию.

При нарушении дисциплины кем-либо из студентов преподавателю хорошо бы воздержаться от раздражительности, колкостей, перебранки, угроз пожаловаться в деканат, потребовать конспекты, рассчитаться на экзаменах. Сильнее едких и грубых окриков действует ироническое замечание (на что обращалось внимание, когда речь шла о полемике). Можно, например, попросить недисциплинированного студента на этот раз потерпеть, а на следующую лекцию, раз она ему неинтересна, просто не приходить и не мешать остальным. Отрезвляюще действует на нарушителей порядка внимательный взгляд лектора, читающего лекцию как бы специально для них.

Вместе с тем, аудитория разочаровывается в лекторе, если не ощущает его лидерства, если улавливает его безразличие к реакции слушателей, нерешительность, "извиняющееся" поведение. Интересно написано о лидерстве над аудиторией в "Скучной истории" Чехова. Талантливый профессор рассуждает там следующим образом: "Передо мною полтораста лиц, не похожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя — победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени ее внимания и о силе разума, то она в моей власти"¹. Сказано сильно, но в общем — то верно.

А как важно проявить выдержку, не сорваться при неблагоприятных обстоятельствах: непредусмотренной перемене помещения, неувязках с расписанием, тесноте, духоте, плохом освещении, присутствии посторонних, собственном нездоровье, скверном настроении. Для большей нервной устойчивости лучше бы непосредственно перед лекцией оградить себя от неблагоприятных эмоций, например, от тяжелых объяснений на работе или дома.

Вообще же вузовский преподаватель сродни артисту, который всегда обязан быть в форме. Вряд ли можно осуждать зрителей и слу-

¹ Чехов А.П. Избранные произведения в трех томах, т. 2. М., 1971, с. 55.

шателей за то, что им приятно, когда перед ними выступает человек в добром здравии тела и души.

Известны слова Станиславского о том, что актер должен любить искусство в себе, а не себя в искусстве. Отталкивающее впечатление производит в актере и в лекторе самолюбование, стремление во что бы то ни стало понравиться публике. И тому и другому опасно быть невнимательным к знаменитому "чуть-чуть", нарушение которого превращает хорошее качество в его противоположность: естественность — в развязность, воодушевление — в кокетство, задумчивость — в заискивание, уверенность — в назидательность. М.И.Калинин мудро предупреждал: "Если вы в разговоре хоть каким-нибудь жестом, интонацией голоса, незначительной, случайной, казалось бы, фразой ладите понять, что вы считаете себя умнее других, больше знаете, то вы пропали"¹.

Независимо от своего возраста, преподаватель призван человечески внимательно относиться к учащимся, заботиться о том, чтобы всем было удобно сидеть, все слышно и видно, чтобы горели все светильники, не дуло из открытого окна и т.д. Только пусть эта забота не превращается в саморекламу.

Немаловажное значение имеет речевой этикет. Самое естественное обращение к любой аудитории, конечно, "товарищи"; в зависимости от степени близости к слушателям может оказаться уместным слово "друзья". Рекомендуем воздержаться от названия студентов "мальчиками" и "девочками", что в применении к взрослым людям звучит помещански. Предпочтительнее — "девушки", "молодые люди". Живучим оказалось превратное мнение, что местоимение первого лица во множественном числе ("мы думаем", "по нашему мнению" и т.п.) звучит скромнее, чем в единственном ("я думаю", "по моему мнению"). Теперь уже трудно выявить истоки этой псевдоакадемической традиции. Другое дело, когда речь идет не о личном мнении лектора, а о взглядах группы лиц или коллектива.

Особенно претенциозно торжественное именование себя во множественном числе в устах человека молодого, например, студента при докладе на семинаре, при защите дипломной работы.

Попутно о речевом этикете в повседневной жизни. Русский язык, к сожалению, не обладает универсальной системой обращения, которая существует в других языках, например, во французском — "мадам", "мадемуазель", "мсье", в польском — "пан", "пани" и т.д. Вряд ли

¹ К а л и н и н. О коммунистическом воспитании. М., 1958, с. 25.

можно сделать современному языку прививку архаических слов "сударь" и "сударыня", как этого хотелось бы В.Солоухину. Наиболее емким остается обращение "товарищ"; весьма сомнительно, чтобы его стоило заменять словами "мужчина" и "женщина" (эта манера обращения пришла из южных областей), "дядечка", "тетечка", "девушка" — по отношению к молодой женщине (продавщице, например) и, тем более, уже упоминавшиеся "мальчики" и "девочки". Функцию обращения при общении с человеком, когда мы не знаем его имени и отчества, берет на себя глагол-сказуемое в сопровождении слов, выражающих вежливость ("Скажите, пожалуйста", "Прошу Вас, пройдите" и т.п.).

Напомним, что неприлично говорить "он", "она", "они" о тех, кто присутствует.

Уже говорилось о возникающей в полемике и при ответах на вопросы ситуации затруднения и о том, какое этическое значение имеют способы выхода из этой ситуации. Нечто подобное возникает и при чтении лекции. Вот лектор понял, что допустил ошибку (фактическую или теоретическую). Судя по поведению слушателей, этой ошибки они не заметили: ни у кого на лице не отразилось удивление, никто не покачал головой, не пожал плечами, не стал что-то шептать соседу. Лектору может закрасться предательская мысль: раз ошибку не "засекли", не нужно обращать на нее внимание и надо спокойно продолжать лекцию. Это опасно, так как не исключено, что ошибку все же кто-то заметил, но не подал виду. Это и нечестно, так как студенты приняли ошибочное за правильное. Требуется, пока не забыл, исправить ошибку. Молодому, начинающему лектору трудно произнести сакраментальные слова "я ошибся". Пусть он в таком случае прибегнет к смягченным выражениям: "Я не то хотел сказать". "Эти слова неправильно выражают мою мысль", "Память подвела" и т.п. Не допускать неправильности, неточности ни в большом ни в малом — профессиональный долг преподавателя.

Лектор воздействует не только словом. Лингвистическая и паралингвистическая знаковые системы дополняются кинетической: жестами и мимикой.

Уже шла речь об удобной, устойчивой позе, облегчающей дыхание и процесс говорения, предохраняющей от физической усталости. Если появится ощущение скованности, его нужно снимать расслаблением различных частей тела: головы, шеи, плеч, корпуса, рук, ног. Не стоит подавлять естественных импульсов к движению: важно лишь, чтобы эти движения не были однообразными и не раздражали аудиторию. Неприятно смотреть, как лектор ходит взад и вперед, приседает, переминается с ноги на ногу, кладет руки в карманы, тербит пуговицы, мнет платок, стучит кулаком или потрясает им в воздухе.

Иногда рекомендуют менять позу в логической паузе. Это неправильный совет. Пауза потому и называется логической, что как бы несет на себе интеллектуальный заряд, который пропадет, если мы заполним ее чисто физическим движением, отвлекающим и — по законам социальной психологии — заражающим аудиторию. Позу менять допустимо как раз между логическими паузами.

Еще один вопрос, на этот раз щекотливый: можно ли читать лекцию сидя? Все зависит от количества слушателей, размеров и конфигурации помещения (пол с накатом или без него), акустики и, наконец, от содержания лекции. Важно, чтобы всем студентам можно было без труда слышать и видеть лектора. В определенной ситуации он может и сидеть, особенно если плохо себя чувствует. Во всяком случае, сидение в вузовской обстановке не расценивается как неуважение к аудитории.

Жестикуляция, конечно, заранее не программируется, но при выступлении она должна контролироваться, быть не произвольной и механической, а целенаправленной. Хорошо сказал М.Сперанский в "Правилах высшего красноречия" (1844): "Рука двигается тогда, когда ударит в нее сердце". Всякая театральность и аффектированность здесь, безусловно, неуместны. Назойливым выглядит обыгрывание каждого слова жестами. Отталкивающее действует копирование лектором жестов известных ораторов и артистов (скажем, А.Вертинского с его гипнотизирующей пластикой кистей рук). Вредны жесты схоластического толка, почерпнутые из каких-то допотопных руководств по красноречию. К таким искусственным жестам принадлежит движение ладони по вертикали для утверждения ("да") и по горизонтали для отрицания ("нет").

Вообще же умеренная жестикуляция усиливает выразительность речи и при этом несколько уплотняет ее, так как жест может заменять словесное описание. Жесты бывают указательные (сюда — туда, тут — там, этот — тот), изобразительные (больше — меньше, выше — ниже, круглый — квадратный), эмоционально-символические (всплескивание руками или разведение их, схватывание за голову). Жестами мы сопровождаем перечисление, расчленение или, наоборот, объединение чего-либо. Большинство жестов следует за ритмом и интонацией речи, являясь своего рода скандированием (например, при помощи ребра ладони). Естественно, в жестах отражается не только индивидуальность лектора, но и его национальная и социальная принадлежность.

И еще одно наблюдение: важно, чтобы жест не сопровождал слово, служа примитивной иллюстрацией, без которой оно якобы непонятно, а слегка опережал его.

Мимика определяется теми же принципами, что и жестикуляция, ибо назначение их сходное: подчеркивать то, что выражается словом.

Как жестом, так и мимикой не годится обыгрывать каждую мысль и тем самым ударяться в гримасничанье. Некоторые не придают значения выражению своего лица, а ведь это выражение бывает неприятным: отчужденным, хмурым, неестественно веселым или нарочито бесстрастным. Лектору следует позаботиться о том, чтобы его лицо было хорошо освещено и видно всем собравшимся.

Главное же — это умение смотреть на всех студентов и при этом действительно видеть их, по выражению их лиц и поведению судить, в какой степени интересна и доходчива лекция. Случается, что лектор чисто формально бросает взоры на аудиторию, которая для него точно пустое пространство. Его глаза ничего не видят и ничего не замечают. Иной лектор приковывает взор к одной точке: лампочке, окну, двери и т.д. Спорным представляется часто встречающийся в учебных пособиях совет лектору (или оратору) обращаться то к одной, то к другой группе слушателей или выбрать двух-трех (а то и одного!) слушателей и читать лекцию для них, стараясь уловить все оттенки реакции. Опытный оратор избегает таких надуманных приемов и приучается следить за вниманием всей аудитории, разом охватывая ее взором.

В то время как лектор все же бегло взглядывает на лица студентов, сам он является объектом концентрированного и постоянного внимания если не всей аудитории, то значительной ее части. Лектору только кажется, что студенты не замечают в его поведении за кафедрой мелкие промахи. На самом деле, студенты обращают внимание буквально на все: на однообразные жесты, напряженность позы, невидящий взгляд, оторванную пуговицу на пиджаке, несвежий воротничок и многое-многое другое. Конечно, блестящему лектору, крупному специалисту они многое прощают. Так, в Московском институте истории, философии и литературы мы, студенты 30-х годов, не придавали значения тому, что горячо любимый нами профессор читает лекцию по философии, сидя на углу стола, ероша растопыренными пальцами седеющие волосы, курия и осыпая пеплом костюм. Но рядовой лектор в наше время вряд ли может рассчитывать на подобную снисходительность. В отличие от людей зрелого возраста молодежь особенно беспощадна в оценке внешнего вида того, кто перед ней выступает, и это совсем неплохо: лектор невольно приучается быть всегда подтянутым, бодрым, опрятным независимо (как мы уже говорили) от своего физического и душевного состояния.

Очень плохо, когда лектор, идя к своему рабочему месту, на виду у всех приводит свой костюм в порядок, причешивается, сморкается, отдувается, вытирает пот со лба, перебирает бумаги. Все это он должен был сделать заранее и, конечно же, не на глазах у своих слушателей.

Особое значение имеет первая встреча со студентами. Встречают, как известно, "по платью". "Платье" — это не только сама одежда, но и манера носить ее, походка, осанка, выражение лица, взгляд и т.д. И хотя "по уму провожают", все же первое впечатление — "по платью" — остается. В стиле одежды целесообразна сознательная установка на нейтральность, чтобы ничто не отвлекало и не раздражало аудиторию. Предельная опрятность и некоторый оттенок парадности одежды служат одним из выражений уважения к слушателям, на каком возрастном и социальном уровне они бы ни находились. С разными неуместными крайностями приходится встречаться: одни лекторы-женщины приходят чрезмерно нарядными, будто собрались на бал; другие одеваются нарочито однообразно и аскетично, что, по их мнению, служит свидетельством деловитости. Некоторые лекторы-мужчины поддались моде на раскованность: появляются на работу в потертых джинсах, кожаных тужурках, водолазках, небритые, всклокоченные, какие-то развинченные, с размашистыми движениями.

Опытные и умные модельеры, портные и парикмахеры всегда разъясняют (правда, часто безрезультатно) своим клиентам, что следование моде — не обезьянничанье, не бездумное копирование образцов без учета своего возраста, фигуры, овала лица, цвета волос и глаз, без внимания к ситуации, в которой предстоит выступать. Несмотря на современную свободу самых неожиданных стилевых сочетаний в одежде, все же хорошо было бы соблюдать меру и чувствовать разницу между стилями деловым, спортивным, вечерним.

Безвкусица проявляется и в игнорировании несочетаемости некоторых цветов. Особенно "коварны" в этом отношении цвета сиреневый, розовый, алый, голубой. Тягостное впечатление производит человек, который не носит одежду свободно и естественно, а "несет" ее на себе, ни на секунду не забывая о ней и судорожно боясь нямать ее (равно как и только что сделанную прическу).

Очень хочется убедить коллег не стесняться своей невнимательной внешности. Студенты ее просто не замечают и не придают ей значения. Больше того, некрасивое или носящее следы операции лицо лектора кажется прекрасным, если оно согрето глубокой мыслью, вдохновением, добрым отношением к окружающим.

А теперь — об использовании лектором записей, о пресловутой "бумажке". Когда я вижу, как лектор выходит читать лекцию с пустыми руками, мне в голову одна за другой приходят малоприятные догадки. Прежде всего, я опасался, что коллега просто забыл записи дома. Затем начинаю бояться того, что он попытался выучить лекцию наизусть, что теперь является делом рискованным: отягченная потоком информации

и утомленная быстрыми ритмами и нервозностью жизни память современного человека может в важный момент подвести. Хорошо было в ХУШ веке Ломоносову в своей "Риторике" советовать: "А чтобы в произношении не запнуться или не стать, для того должен ритор речь свою твердо изустъ выучить". Два столетия спустя, человеку конца XX века этот совет окажется неприемлемым. Выучив "изустъ" свое длительное выступление, он будет загипнотизирован страхом забыть какое-нибудь важное звено в цепи своих рассуждений и "запнуться или совсем стать". И, наконец, мне закрадывается подозрение: а, может быть, коллега не подготовился к лекции и будет ее строить всецело на импровизации...

Когда же лектор выходит к своему рабочему месту с рабочим инструментом, т.е. с записями, его не приходится осуждать. В самом деле, зачем ему выучивать наизусть план лекции, примеры, цитаты, ссылки и т.д.? Рабочие записи, как правило, понятны только тому, кто их сделал, и часто представляют собой слова-сигналы, помогающие вести ход рассуждений без досадных помех и неожиданностей. Точно так же у нас нет претензий к дирижеру, который пользуется партитурой и доносит до слушателя глубину и красоту музыкального произведения. В.О.Кличевский читал лекции по русской истории по записанному тексту, а послушать их считали счастьем далеко не одни только историки. А бывает, что лекция бойко проговаривается наизусть, но мало дает и уму и сердцу. Иной дирижер, обладая феноменальной музыкальной памятью и дирижируя сложнейшими вещами без партитуры, не доставляет глубокой духовной радости. Вообще же в отношении лекторской "партитуры" нет и не может быть догматических установок; пусть лектор поступает так, как это для него органично и удобно.

Но начинающему лектору чрезвычайно полезно записать для себя полный текст хотя бы одной-двух предстоящих лекций. Это очень дисциплинирует, так как в письменном тексте отчетливо видны недостатки композиции, стиля, подбора примеров и т.д. Хорошо бы произнести запись лекции на магнитофоне, а затем прослушать ее. Что касается рабочих заметок, то при подготовке лекции они просто необходимы лектору любого стажа и любой квалификации.

С техникой использования записей связана культура цитирования. Сразу оговоримся, что к цитате стоит прибегать тогда, когда показательнее и образнее, чем в цитируемом месте, не скажешь. Нужно быть уверенным, что цитата по своему размеру, грамматическому строю и лексике может быть воспринята на слух. Цитата четко выделяется в основной речи. Это достигается изменением интенсивности голоса, его тона и тембра речи. Напомним, что изменение тона — это не

только его повышение, но и понижение. Читая текст цитаты, не будем забывать о замечательном свойстве нашего зрительного восприятия: мы проговариваем еще только начало цитируемой фразы, а наш взор пробежал ее до конца и запечатлел ее в нашей памяти. Значит, произнося конец предложения, мы можем оторвать глаза от текста и говорить, глядя на слушателей. Будем учиться этому искусству у дикторов телевидения. Кроме того, цитата, естественно, сопровождается вводными или заключительными словами. Если лектор читает лекцию в основном не по записям, а текст цитаты у него записан на отдельном листочке, то рекомендуется до последнего момента к этому листочку не притрагиваться. А то ведь бывает так, что лектор все время теребит пальцами листок, и у слушателей развивается отвлекающий интерес: а что на этом листке написано? а прочтет ли в конце концов его лектор? Казалось бы, это сущий пустяк, но и его "уловит" чуткая аудитория.

Некоторые лекторы предпочитают цитировать не по записям, а непосредственно по книгам. Нельзя отрицать, что это выглядит особенно убедительно и даже красиво. Однако приносить на лекцию кипу книг или даже одну, но больших размеров, довольно затруднительно.

Прошло время, когда каждую цитату требовалось сразу же подкреплять выходными данными. Но мы ведь цитируем то, что наиболее важно и интересно слушателям, и вполне возможно, что кто-нибудь из них захочет сам прочесть и даже записать заинтересовавшую его цитату или сочинение, из которого она взята. И вот тогда лектор должен точно сообщить название труда, год и место выхода его в свет. Значит, выходные данные полезно лектору всегда иметь под рукой.

При цитировании художественного произведения лектору недопустимо превращаться в актера: с чрезмерным пафосом читать стихи или на разные голоса "проигрывать" драматический отрывок. Основное здесь — соблюдать логическую интонацию, а в стихах чувствовать ритм и рифму; не скандировать с нажимом, как это делают "авторы-поэты", но и не превращать стихи в прозу, не "обытовлять" их, как это теперь в моде у актеров и чтецов.

Что касается применения техники средств обучения, то этот вопрос служит объектом постоянных исследований и обсуждений на всякого рода методических конференциях. Хотелось бы предостеречь от стремления во что бы то ни стало — ради пресловутой галочки в планах и отчетах — прибегать к ТСО. Эти средства только тогда уместны, когда органически входят в учебный процесс, действительно помогают ему, не отвлекают от сути дела, и кроме того, безукоризненно отлажены в чисто техническом отношении.

Заключая наши беседы о мастерстве речи лектора, еще раз подчеркнем вред всякого догматизма и большое значение интуиции и здра-

вого смысла. Нельзя ~~все~~ заранее предусмотреть и запрограммировать. В таком случае лектора мог бы заменить робот. Всегда и везде главным оружием в образовании и воспитании остается живое слово, которому надлежит быть **точным**, понятным и выразительным.

Л и т е р а т у р а

Б а д м а е в Б.Ц. Элементы психологии и педагогики в партийной пропаганде. М., 1980.

Е р а с т о в М.П. Логико-психологические основы лекционной пропаганды. М., 1978.

З в о р ы к и н Ю.Н. Юмор в публичном выступлении. М., 1977.

З и м н я я И.А. Психологические основы лекционной пропаганды. М., 1981.

К а п а н а д з е Л.А., К р а с и л ь н и к о в а Е.В. Жест в разговорной речи. — В кн.: Русская разговорная речь, под ред. Е.А.Земской. М., 1973.

Л е о н т ь е в А.А. Психологические особенности деятельности лектора. М., 1981.

Н и к о л а е в а Т.М. Жест и мимика в публичной речи. М., 1972.

О в а к и м я н Ю.О., Н и ф о н т о в О.Н. Психолого-дидактические основы применения технических средств в лекционной пропаганде. М., 1977.

Проблемы социальной психологии и пропаганда. Составители Колбановский В.Н., Шерковкин Ю.А. М., 1971.

Психологические и логические проблемы лекционной пропаганды. Материалы конференции общества "Знание" СССР, Академии педагогических наук, Института психологии АН СССР. Вып. 1-2, М., 1977.

С а х а р о в В.Р. Навыки и умения лектора. М., 1978.

С о д е р ж а н и е

Введение.	3
Техника речи.	6
Нормативность речи.	16
Нормативность ударения	21
Нормативность произношения	23
Грамматическая нормативность	27
Нормативность лексики.	30
Выразительность речи.	34
Фонетическая стилистика.	35
Грамматическая стилистика.	40
Лексико-фразеологическая стилистика.	42
Приемы ораторского искусства.	51
Искусство полемики.	55
Психологическое воздействие лектора на аудиторию.	63

Андрей Чеславович КОЗАРЖЕВСКИЙ 1918–1995

Известный отечественный филолог-античник. Родился в Москве. В 1941 г. окончил с отличием отделение классической филологии Московского института философии, литературы и истории. С 1946 г. преподавал древние языки и античную литературу в Московском городском педагогическом институте. В 1953 г. перешел в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, где с 1967 г. стал заведовать кафедрой древних языков исторического факультета. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1961 г. получил ученое звание доцента, а в 1985 г. — профессора.

А. Ч. Козаржевский — автор десятков работ по классической филологии, истории раннего христианства, истории Русской православной церкви. Им была создана рациональная методика преподавания латинского и древнегреческого языков, разработаны лекционные курсы «Мастерство устной речи», «Ораторское искусство», «Памятники мировой истории и культуры», специальные курсы по источниковедению новозаветного библейского канона и греческому диалекту койне. Ему принадлежат статьи по античной литературе в Большой Советской Энциклопедии и в Советской Исторической Энциклопедии, а также пользующиеся широкой популярностью «Учебник древнегреческого языка» и «Учебник латинского языка» (многократно переиздававшийся в URSS) для студентов гуманитарных вузов.

Наше издательство предлагает следующие книги:

19666 ID 212926

Издательская группа

URSS

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Телефон / факс
Нахимовский (многоканальный)
проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>